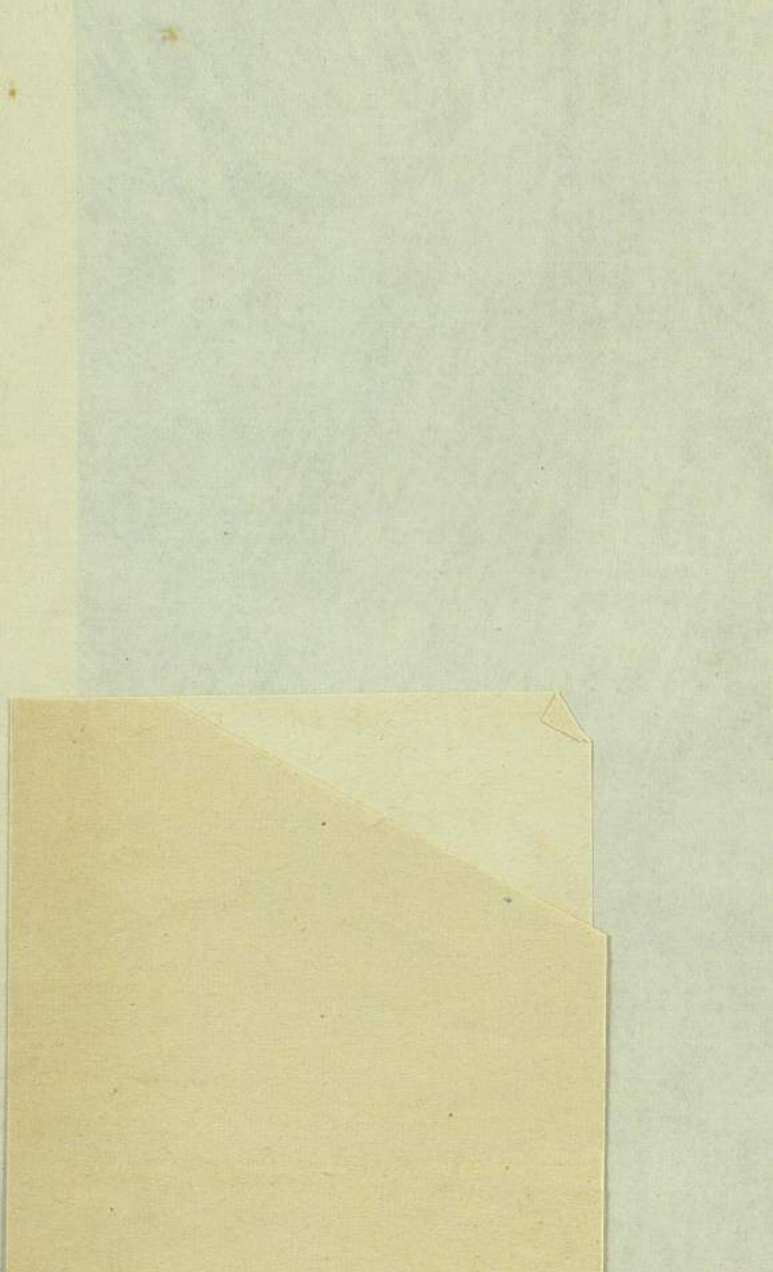

19/971

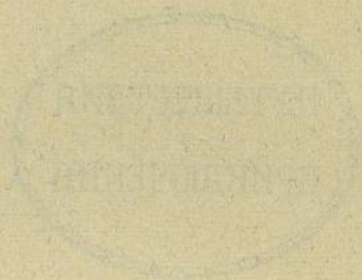

Г. НОРДЕНШЕЛЬД
ВОКРУГ АЗИИ
И ЕВРОПЫ

Издательство С. Ефрон • Берлин

Г. НОРДЕНШЕЛЬД

ВОКРУГ АЗИИ
И
ЕВРОПЫ

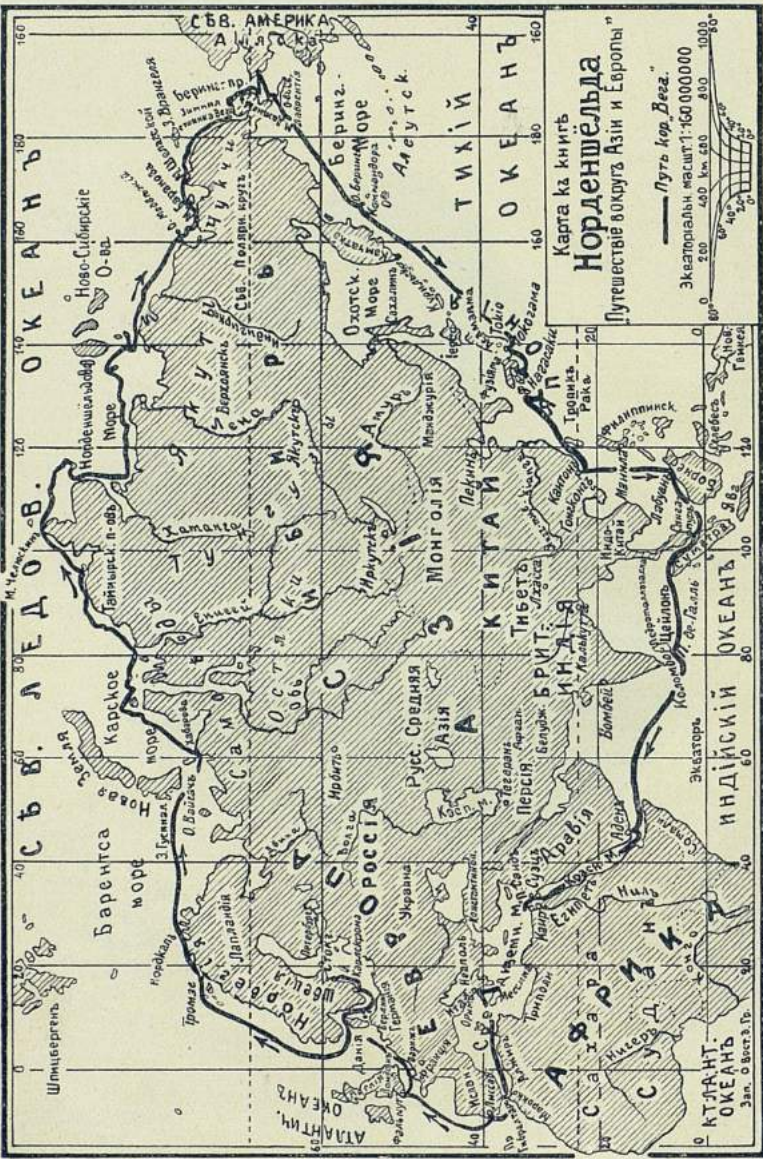

ИЗДАТЕЛЬСТВО С. ЕФРОН, БЕРЛИН

Право издания на русском языке
во всех странах сохранено за
Издательством С. Ефрон

Arvid Nordenskiöld.

Карта къ книгѣ

Норденшѣльда

Путешествіе вокругъ Азій и Европы

— Путь кор. Вега.

Экваторіалн. масштабъ 1:160 000 000

ЦЕЛЬ ЭКСПЕДИЦИИ

Исследование сибирской части Ледовитого океана давно уже было предметом моих мечтаний; еще в 1875 и 1876 г. г. я дважды пересек западную часть сибирского Ледовитого океана, проплыл в устье Енисея и пришел к убеждению, что, следуя вдоль северных берегов Сибири, не только можно достигнуть Берингова пролива, но и, проникнув в него с севера, — об'ехать вокруг всего Старого Света.

Об'ехать вокруг Старого Света! Обогнуть Азию и Европу! Давнишняя мечта человечества. В течение столетий отважные мореплаватели пытались достичь Китая и Японии северным путем — «сверху». Все торговые державы севера Европы были, понятно, живо заинтересованы в вопросе о проходимости Северного Ледовитого Океана, так как, в случае положительного разрешения этого вопроса, значительно сократилась бы дорога в богатые страны востока. Тем не менее, ни одному мореплавателю еще не удалось пере-

сечь таинственного, совсем неисследованного, Сибирского океана.

Во что бы то ни стало мне хотелось пройти северо-восточным путем в Японию, силой воли победить все препятствия — эта гордая цель не давала мне покоя. Однако, для такого отважного и, вероятно, длительного путешествия нужно было иметь не только мужество, но еще и деньги, много денег! Я обратился к шведскому королю и спросил его, могу ли я рассчитывать на поддержку со стороны государства. Король отнесся с интересом к моим планам и обещал созвать в ближайшее же время совещание мореплавателей, ученых, министров — вообще, лиц, интересующихся научными путешествиями. Этому собранию я и должен был изложить мои планы.

Оно состоялось 26 января 1877 года в королевском замке, в Стокгольме. После обеда, данного королем участникам совещания, я изложил им свою программу до мельчайших подробностей. В оживленной дискуссии были затем рассмотрены все соображения, говорившие за и против выполнимости моих отважных планов. Король из'явил готовность энергично помочь мне; доброжелатели предоставили в мое распоряжение значительные суммы; видные представители различных областей естествознания предложили свои услуги; опытные моряки вызвались принять участие в экспедиции. Шведский рикс-

даг щедро ассигновал суммы, необходимые для покупки и снаряжения парохода «Вега». Королевская Академия Наук одолжила нам массу научных приборов для физических, астрономических и геологических исследований. Мы запаслись на два года маслом, мукою, всевозможными консервами, лекарствами и противоцынготными средствами, сшили себе платья из оленьего меха — коротко говоря, было сделано все, чтобы достойно снарядить «Вегу» в поездку по странам ночи и льда. Кроме «Веги», в первой части путешествия принимали участие еще: «Лена» — под командой капитана Иоганнсена, обогнувшая с нами мыс Челюскин и поплывшая, согласно уговору, вверх по Лене, «Фразер» и «Экспресс», имевшие задачей доставить в Европу сибирские продукты, главным образом — зерно; эти суда покинули нас в устье Енисея. Взоры всех наций были обращены на нас; все ждали от нашей поездки раскрытия тайн неисследованной части земного шара.

В СТРАНУ САМОЕДОВ!

22-го июня 1878 года «Вега» покинула родную гавань Карлскроны. Но некоторая часть груза и экипажа ожидали нас еще в Тромзе, в Норвегии, и потому лишь через месяц мы были окончательно готовы к отплытию. В 2 часа 45 минут пополудни,

21 июля, мы подняли якорь; тысячеголосое «ура» напутствовало нас; плавно и медленно «Вега» покинула гавань Тромзе.

Меня сопровождало 29 человек: профессор ботаники, профессор зоологии, врач, 5 офицеров, 5 машинстов и кочегаров, 4 матроса, повар, 6 боцманов, плотник, 3 охотника — на обязанности которых лежала охота на моржей, тюленей и других зверей — и один ассистент в распоряжении ученых участников экспедиции.

К сожалению, нашу «Вегу» в первый же день подхватил такой бурный норд-вест с туманом и дождем, что нам пришлось остановиться около Мэзе, вблизи Нордкапа. Но через три дня нетерпение выгнало нас из нашего убежища на борьбу с непогодой и дерзкими волнами. Море скоро успокоилось, и мы на всех парях двинулись на восток, мимо Нордкапа.

28 июля, в 10¹/₂ часов ночи, мы увидели землю. «Увидели» — ночью, в одиннадцатом часу? Не удивительно: ведь мы были уже под 77° северной широты, где летом солнце и ночью остается над горизонтом. Мы плыли к берегам «Гусиной Земли» — к юго-западному побережью Новой Земли. Нечислимые стаи гнездящихся здесь диких гусей дали имя этой стране. Мы взяли курс на юго-восток, к материку, и 30 июля подошли к селу Хабарову, лежащему еще в Европе.

Там царило — как всегда в летние месяцы — большое оживление. Кочующие самоеды пригоняют сюда на лето стада оленей на большие пастбища лишайниковой тундры. Являются сюда и русские, торгующие с самоедами и занимающиеся под их руководством охотой и рыбной ловлей. Охотники называли это местечко — несколько пышно — «Городом самоедов». В центре местечка, в хижинах, сделанных из досок, обложенных торфом, жили более богатые семьи, а в «пригороде», в нескольких грязных палатках, ютилась беднота. На берегу стояли длинные ряды саней, нагруженных до верху товарами; русские зимою увезут их на юг. Среди этих товаров мы видели очень ценные вещи: моржевые клыки, изделия из моржевой кожи, множество тюков с перьями и пухом, и, главное, пушнину — драгоценные меха лисиц, медведей, волков и оленей.

В день нашего приезда в Хабарове был русский праздник. Русские и самоеды развлекались играми и хотя, несомненно, в первый раз в жизни увидели европейцев, как будто нисколько не заинтересовались нами и не обратили на нас внимания. Игры продолжались. Несколько играющих, образовав большой круг, по очереди бросали в воздух кривой, острый кусок железа; искусство заключалось в том, чтобы бросить железо так, чтобы оно вонзилось в землю в центре очерченного круга. В стороне другая группа

играла в какую то игру, напоминавшую наши кегли. Кое-кто, наконец, развлекался борьбой. Вместе с играющими резвились бесчисленные белые, лохматые собаки, стерегущие здесь олени стада.

Несмотря на выказанное первоначально равнодушие — несомненно, признак хорошего тона — как русские, так и самоеды отнеслись к нам очень дружелюбно. Самоеды поразили нас своим видом; это были маленькие существа отталкивающей наружности, с запущенными, спутанными волосами; грязные одежды из шкур были кой у кого украшены яркими бумажными тряпками. Русские, наоборот, — рослы, плечисты; их длинные, лоснящиеся от масла, тщательно причесанные волосы, перевязаны повязкой из меха.

Нас пригласили раньше всего попробовать счастья и показать свою ловкость в игре, но очень скоро, к великой радости русских и самоедов, оказалось, что нам нечего и думать тягаться с ними в этой области. Тогда какой-то русский пригласил нас к себе в хижину и там радушно угостил чаем, водкой и лепешками из пресного теста. Затем и самоеды пожелали показать нам свое становище и привезли оленью четверку, запряженную в сани, устройство которых рассчитано на езду и по снегу, и по моховой тундре, и по мокрым болотам. Отказаться от предложенной поездки было неловко. С невероят-

ной быстротой об'ехали мы вокруг Хабарова и, наконец, под'ехали к очень неказистым на вид, покрытым оленьими шкурами, палаткам.

Самоедки приняли нас радушно и угостили нас чаем; ради нас они вырядились в лучшие платья и обвешались всевозможными металлическими украшениями. Но, к сожалению, они соперничали с мужчинами в отношении грязи и, вообще, едва ли могли показаться комунибудь красивыми, принимая во внимание их отвратительные, похожие на конские, волосы, желтый цвет лица, плоский нос, выдающиеся скулы и маленькие, косые, постоянно слезящиеся, воспаленные глаза. Прилагаемый рисунок, взятый из напечатанной в 1693 году в Циттау книги Шлайсинга, «Ново-открытая Сиверия, страна где ловят соболей,» дает читателю понятие о том, как в XVII веке представляли себе самоедов.

Головной убор самоедской женщины.

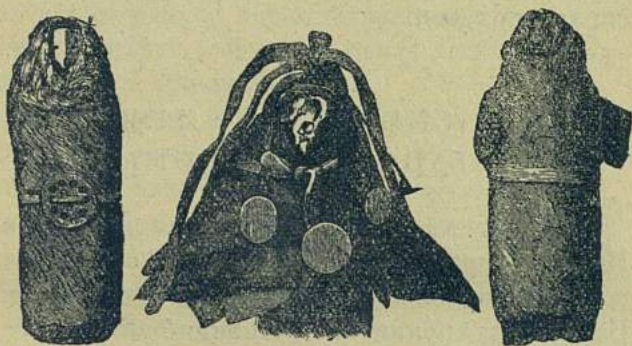
Зная, что самоеды возят с собою своих идолов, я попросил их продать мне несколько божков. Сначала они категорически отказались: суеверие мешало им исполнить мою просьбу. Однако, блеск нескольких сере-

Самоеды. По рисунку XVII века.

бряных монет привел к тому, что старая самоедка нашла возможным устранить все препятствия. Она пошла к саням, стоявшим возле палатки и служившим кладовой и, порывшись там довольно долго, принесла, наконец, старый кожаный сапог. Из него она

вытащила кожаный чулок, в котором оказалось 3 идола: кукла длиною в 13 сантиметров, сделанная из кожи, с медным лицом, такая же кукла с медным носом и камень, грубые очертания которого отчасти напоминали лицо человека. После долгого торга, я получил эти три драгоценности за весьма почтенную сумму.

Самоедские идолы.

Возвращаясь на «Вегу», мы увидели на берегу одного озерка самоедскую могилу. Это был большой ящик, тщательно загороженный жердями и перекладинами от возможных нападений хищников. Дно и стены этого замечательного сооружения были сделаны из березовой коры, очевидно привезенной с юга, где растут березы. Судя по лежавшим в гробу лохмотьям, покойник был похоронен в обычной самоедской одежде. В гробу кроме того находились обломки котла,

топор, нож, кружка, лук, деревянные стрелы и различные медные украшения. Куски бересты очевидно предназначались для разведения огня «на том свете», а стоявшие подле могилы сани тоже имели важное назначение: нельзя же было лишить покойника средств передвижения! Чтобы снабдить его также упряжными животными, при погребении принесено было в жертву богам несколько оленей.

ЧЕРЕЗ «СИБИРСКИЙ ЛЕДНИК» К ГАВАНИ ДИКСОНА

1-го августа мы двинулись на восток, в Карское море, нетерпеливо ища ответа на вопрос: возможно ли пробраться отсюда к Берингову проливу и к Японии?

Это море, издавна заставлявшее мореплавателей поворачивать и возвращаться назад, ограничено с запада Новой Землей. Около южной части этого длинного острова ледяные поля еще не очень мощны; чем дальше к северу, тем они более сливаются, переходя, наконец, в материковый лед. Ледяные поля изборозжены глубокими, почти бездонными трещинами, затянутыми тонкими мостиками снега, нанесенного зимними бурями. Вы стоите беззаботно на краю такой предательски прикрытой трещины и не подозреваете, что один шаг вперед означает верную смерть.

Чтобы перейти по этой запорошенной, но не связанной плотной смерзшейся корой, ослепительно-белой, почти бархатистой поверхности снежного поля, необходимо всем участникам экскурсии связаться друг с другом прочными канатами. Но если вы думаете, что, соблюдая эту предосторожность, вам удастся быстро продвигаться вперед по этому ровному полю, то вы скоро разочаруетесь. Зачастую только после бесконечных поисков удается найти более или менее удобный проход между трещинами.

Летом, когда снежный покров исчезает, ледяная пустыня приобретает совсем другой облик. Поверхность ее покрывается серой, глинистой пылью, сносимой сюда бурями с отдаленнейших гор. Глина эта образует тонкий слой плодородной почвы для низшей растительности, и в ледяных пустынях полярного мира разворачивается, таким образом, своеобразная флора, вмешивающаяся, несмотря на свою незначительность, в вековую борьбу солнца и льда: темная поверхность глины и покрывающей ее растительности поглощает больше тепла, чем голый лед, и тем самым способствует его таянию, благодаря чему в течение столетий верхний слой льда все более и более раз'едается.

Когда стает снег, на поверхности льда, казавшейся зимою плоской, выступают различные неровности; скрытые зимою снежными мостами трещины выделяются теперь

сине-черными пропастями. Местами попадают промытые во льду широкие и глубокие лощины — лазурно-голубые, ледяные русла, по которым бегут многоводные реки. Они впадают обычно в озера, занимающие центр подобной низины; оттуда вода стекает в трещины. Иногда река просверливает дыру во льду и с шумом и грохотом низвергается в глубину, откуда вскоре вновь вырывается водяным столбом, напоминающим гейзер. Зрелище величественное и прекрасное.

Время от времени слышится оглушительный грохот — точно подо льдом выстрелили из пушки. Это значит, что образовалась новая трещина во льду, либо с края ледяной пустыни обвалилась в море огромная льдина. Ведь ледники, как реки, текут в открытое море. Иногда они спускаются к морю настоящим «ледопадом»; ледяная масса, стиснутая отвесными стенами долины, растрескивается с оглушительным шумом, и льдины, величиной с большую гору, откалываются и сваливаются в море.

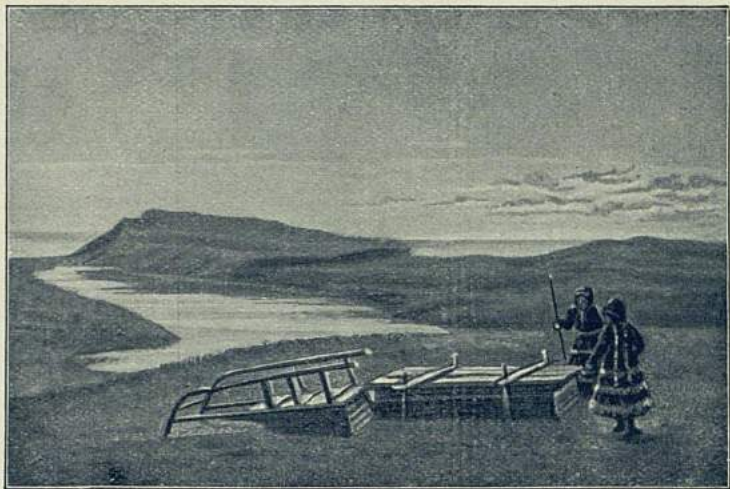
Большая часть льда, образующегося зимою в Карском море, и, кроме того, весь лед, несомый сюда течением из полярных областей, скопляется в течение лета около восточных берегов Новой Земли и загромождает три пролива, соединяющие Карское море с северо-восточной частью Атлантического океана. Благодаря этому обстоятель-

Костюмъ самоѣдской женщины.

Оленья запряжка у самоѣдовъ.

Самоѣдская гробница.

Жертвенный холмъ близъ гавани Диксона.

ству, Карское море заслужило репутацию «ледника»; оно было причиною неудач всех предыдущих северо-восточных экспедиций.

В течение первых дней августа мы плыли среди массы изъеденных мелких льдин — «шуги». Если бы появление ее не сопровождалось постоянным опасным спутником — густым туманом, шуга могла бы быть даже полезна, уменьшая качку.

Но 4-го августа погода прояснилась, и тихое покачивание «Веги» указывало на то, что море впереди открыто. Уже вчера солоность морской воды заметно уменьшилась; сегодня воду можно было уже пить, пропустив ее через фильтр. Она приобрела темно-серую окраску; судно как будто плыло в глинистой мути, и мы поняли, что приближаемся к устью Енисея. Легкие туманы и свежие бризы несколько задержали нас; рано утром 6-го августа мы, наконец, увидели землю — гавань Диксона!

В'езд в гавань оказался не безопасным. Енисей, у устья которого лежит гавань Диксона, гонит к морю огромные массы пловучего леса, значительная часть которого не остается у берегов, а уносится дальше, в море, подхватывается там течениями и плывет до тех пор, пока дерево, пропитавшись водой, не затонет. Часть этих затонувших колоссальных стволов воткнулась отвесно в песок гавани, и бухта буквально загорожена этим своеобразным частоколом.

В открытой мною три года тому назад гавани Диксона было два поселения; но их дома и хижины оказались необитаемыми. Жители покинули негостеприимную местность отчасти потому, что охота не давала больше таких обильных результатов, как прежде; главная же причина состояла в том, что даже здесь, на крайнем севере Сибири, простые, неприхотливые нравы старого времени уступили место новым веяниям: потребности людей изменились и повысились, а так как пароходных рейсов в устье Енисея не существует, то получать здесь муку и другие, ставшие необходимыми, продукты и предметы домашнего обихода почти невозможно и, следовательно, жить крайне трудно.

Каждый дом покинутого селения состоял из целого лабиринта комнатушек; жилые комнаты со вделанными в стены нарами, кухни с огромными очагами, бани, склады ворвани с большими, сделанными из стволов, пропитанными ворванью корытами, склады для сала, все это свидетельствовало о том, что когда то здесь царил известный достаток.

Вблизи гавани мы натолкнулись на очень интересное капище: 45 медвежьих черепов и нижняя челюсть моржа лежали на земле или торчали на высоких шестах. В черепах медведей не хватало клыков; часто не было всей нижней челюсти. Некоторые кости уже поросли мхом, другие были видимо принесены сюда недавно — судя по уцелевшим на них

остаткам мяса. На воткнутых в землю корнях деревьев были грубо вырезаны изображения идолов. Возле груды костей лежали внутренности недавно убитого оленя, кровью которого были смазаны глаза идолов.

ОХОТА НА МОРЖЕЙ, КИТОВ И БЕЛЫХ МЕДВЕДЕЙ

Кругом вода и лед — казалось бы здесь должен царить мир. Но и эти тихие полярные области являются ареной войн: здесь, как и всюду, животные ведут кровавую борьбу за существование.

У обрыва горы сидит ушастая сова, далеко заметная благодаря ярко-белому, приспособленному для снежных полей, оперению. Она всматривается в даль: в противоположность европейским совам, ее глаза не боятся самого яркого света. Вдруг она стремительно бросается на белую куропатку и уносит ее в кусты, чтобы накормить ею своих детей.

Исполинская чайка спокойно летит над водой с крабом, рыбой или куском мяса в клюве; миг — и ей приходится вступить в ожесточенную борьбу: стрелою налетает на нее поморник и бьет ее своим крючковатым клювом, пока та не выпустит своей добычи, которую ловко подхватывает хищник.

На эту арену борьбы является и человек. Сюда манит отважного охотника обильная добыча.

Что это виднеется в морских волнах? Моржи! Вон матка, вон детеныш! Целое стадо моржей играет в море, усеянном льдинами. Часть их доверчиво плывет некоторое время за нашей лодкой, иногда подплывая совсем близко и поднимаясь из воды, чтобы получше рассмотреть диковинных пришельцев. Вот несколько моржей взобралось на льдину, и мигом вся масса плавающих вокруг товарищей, толкая друг друга, бросается туда, чтобы полежать именно на этой, уже и без того переполненной, льдине, хотя вокруг есть множество других.

Я стоял с нашими охотниками на берегу около гавани Диксона, когда к нам подплыла моржиха с детенышем. Лишь только она поняла грозившую ей опасность, как все свои силы сосредоточила на том, чтобы спасти детеныша. Толчками и ударами гнала она его перед собой, заставляя время от времени нырять, чтобы ввести в заблуждение охотников. В эту минуту ее настиг и убил гарпун. Это было, конечно, безжалостно, но охотник не знает пощады. Кто отправляется в эти дикие страны, тот должен забыть чувствительность и жалость.

Осенью, когда море свободно от льдин, моржи, особенно старые одинокие самцы, часто спят в воде; сильно раздутые легкия поддерживают их тело на поверхности. Встретив такого спящего моржа, охотники, прежде чем бросить в него гарпун, будят его

громким криком: «просыпайся!» Иначе может случиться, что морж, с испугу, бросится на лодку и пробьет в ней клыками дыру.

Гарпун представляет собою большой, крепкий крюк, остро отточенный по краю и снабженный обращенными назад зубцами. Он подвижно укреплен на гарпунном дротике и привязан к тонкой бичевке, длиной метров в 20, сделанной обыкновенно из моржевой кожи. Другой конец этой бичевки закреплен на лодке. Таких, приготовленных к употреблению, гарпунных бичевек на каждой лодке есть штук пять-десять.

Заметив стадо моржей — будь то на льдине или в воде — охотники стараются безшумно подойти к одному из животных настолько близко, чтобы можно было попасть в него гарпуном. Если это удастся, то морж, чувствуя боль от торчащего в его теле постороннего предмета, сразу начинает метаться, нырять и биться, стараясь от него избавиться. Между тем другие моржи, привлеченные шумом, собираются вокруг мечущегося в воде товарища; пользуясь этим, охотники опять бросают гарпун и еще один морж оказывается таким же образом впряженным в лодку. Жестокая забава продолжается до тех пор, пока все гарпуны не будут использованы. Теперь лодка, несмотря на усилия охотников, несется стрелой по волнам, влекомая моржами. Если все животные плывут согласно, в одну сторону, то беда еще не велика — через

несколько километров они ослабеют. Но если которыйнибудь из моржей порывается плыть в другую сторону, то надо немедленно рубить бичеву — иначе лодка перевернется.

По мере того как моржи слабеют от усталости и потери крови, бичеву сокращают. Одного моржа за другим подтягивают к носу лодки и бьют плоским копьём по голове, а когда он перевертывается на бок — добивают ударом в сердце. С того времени, как охотники стали пользоваться ружьями, заряжающимися с казенной части, они предпочитают добивать моржей пулей, но стрелять в животное, не взяв его предварительно на гарпун, охотники считают непростительным легкомыслием, так как легко раненое животное может уйти от преследователей.

Убив моржиху, о которой я рассказывал выше, мои охотники попытались поймать детеныша живьем. Это им удалось; молодой морж скоро стал совсем ручным и очень привязался к своим сторожам. На своих лапах, совсем не приспособленных для передвижения по палубе, он старался ни на шаг не отставать от нас, моряков, и начинал беспокоиться, если мы не обращали на него внимания. К сожалению, он не долго прожил — вероятно оттого, что мы не могли доставлять ему необходимую для него пищу.

Моржи являются предметом охоты полярных народов еще с доисторических времен. Но в литературе они упоминаются впервые в

описании экспедиции на северо-восток, предпринятой норвежцем Оттаром более тысячи лет тому назад; этот мореплаватель проник на восток, повидимому до устья Двины. Из его рассказов явствует, что на моржей тогда охотились около северного побережья Скандинавии. В вышедшей в Норвегии, в конце XII-го столетия, книге «Королевское зеркало», морж совершенно правильно описан, как животное похожее на тюленя с тою разницей, что у него кроме мелких зубов есть еще большие клыки, выступающие из под верхней губы. Это отчетливое и лишенное преувеличений описание заменилось, однако, в произведениях средневековья баснословными рассказами о внешности этого животного и о способах охоты на него. Так Альберт Великий, один из наиболее выдающихся людей XIII-го столетия, заподозренный, благодаря своим большим познаниям в естественных науках и технике, в чародействе, следующим фантастическим образом описывает охоту на моржей: когда морж спит на скале, повиснув на ней с помощью своих клыков, охотники протыкают две дыры в шкуре животного и пропускают сквозь них канат, свободный конец которого привязывают к дереву, колу, либо прикрепленному в скале кольцу. После этого моржа будят, кидая ему в голову камни. Пытаясь убежать, он сдирает с себя шкуру и скоро издыхает, либо полумертвый скатывается на берег.

Далее Альберт Великий сообщает, что канаты, свитые из моржевой шкуры, настолько прочны, что годятся для поднимания больших тяжестей.

Подобные же легендарные представления о внешности и повадках моржей мы находим в более или менее измененной форме даже у

Охота на моржей.

Рисунок из книги Олафа Великого, изданной в 1555 г.

Олафа Великого, известного шведского историка и картографа XVI-го века. Его представление о морже и об охоте на него выразилось в рисунке, воспроизведенном в этой книге. Как видите, оно не многим отличается от описания Альберта Великого, опубликованного за 300 лет до того.

В августе 1556 года, год спустя после напечатания книги Олафа Великого, жители

западной Европы впервые увидали подлинных моржей, убитых русскими промышленниками около острова Вайгача. Описания животных тогда сделано не было, но с тех пор английские и голландские мореплаватели имели возможность видеть моржей сотнями и тысячами и заняться изучением этого животного, окруженного столькими легендами.

Однажды вынырнул перед нами из воды могучий кит. Великан боролся со смертью: он попытался проглотить утку, но неудачно — утка попала в пищевод не головою, а хвостом вперед, вследствие глотательных движений кита перья птицы оттопырились, и она застряла в горле великана. Кит видимо сильно мучился: он метался и делал невероятные прыжки.

Наши охотники не упустили удобного случая: несколько гарпунов полетели в кита, и вскоре царь полярных вод лежал рядом с нашим кораблем.

Занимаясь однажды около берега метеорологическими наблюдениями, мы вдруг увидели редкого гостя: перед нами появилось белое существо — белый медведь! В надежде на хорошую добычу, он приближался осторожно, с сотнями обходов, чтобы не дать нам угадать, куда он направляется. Иногда он влезал на льдины и вставал на задние лапы, чтобы лучше видеть, или, остановившись, долго нюхал воздух — повидимому ему легче

было определить характер новых для него существ по запаху, чем по виду. Так как мы легли, то он принял нас, вероятно, за тюленей и пополз по льду, стараясь прикрыть передней лапой единственную незащищенную белой окраской часть своего тела — большую черную морду.

Будь мы безоружны, было бы довольно громкого крика, чтобы обратить трусливое животное в бегство. Но наши охотники держали оружие наготове — три метких удара копьями, и медведь был в наших руках! Сперва он попытался убежать, но, сделав несколько шагов, упал и стал нагребать снег на свою рану. Скоро он издох.

Очень часто по утрам мы находили около нашей палатки, разбитой где-нибудь далеко от берега, следы белого медведя. Всю ночь он, должно быть, обнюхивал палатку, но не решался влезть в нее. Когда-же однажды в полночь ко мне заглянул таки белый медведь, довольно было зажечь спичку, чтобы прогнать непрошенного гостя.

Белые медведи, повидимому, особенно склонны тщательно исследовать склады, которые люди, покидая корабли, устраивают на берегу. Каждый полярный путешественник может рассказать о таких случаях, иногда связанных с серьезной опасностью.

Однажды белый медведь очень основательно исследовал нашу затянутую брезентом лодку, оставленную нами без присмотра. Он

с'ел лежавшее там жаркое из оленины, разодрал наши запасные платья и разбросал сухари и банки с консервами.

Когда мы вечером собрали раскиданные вещи, привели лодку в порядок и улеглись спать, вновь явился медведь — тот же самый или его товарищ — и принялся за жаркое, только что приготовленное нами взамен пропавшего днем!

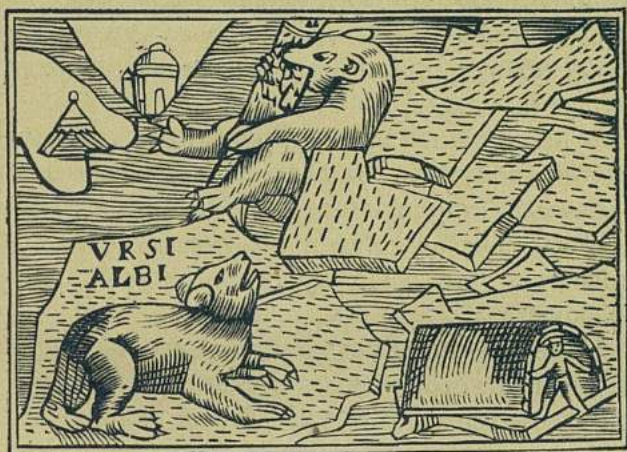
Участники одной из английских экспедиций, высланных на поиски Франклина, убили медведя, в желудке которого оказался, в числе прочих деликатесов, целый пакет пластыря из какого то разграбленного им склада лекарств.

В общем медведи — трусы, но иногда попадают среди них смелые и решительные. Первые английские и голландские экспедиции встречали медведей, вступавших в борьбу с людьми и иногда выходивших из нее победителями. Когда несколько членов голландской экспедиции 1595 года собирали горный хрусталь в горах Новой Земли, из-за скалы неожиданно выскочил белый медведь, вцепился одному из них в горло, отгрыз голову и высосал кровь. Остальные поспешили на помощь и напали на кровожадного зверя с оружием. Он, однако, не испугался, выхватил из их рядов еще одного человека, убил и его и обратил остальных в бегство. Только с великим трудом удалось матросам окружить и убить его.

Белый медведь повидимому стал известен в Европе только после открытия норвежцами Исландии и Гренландии и первое время считался необычайной редкостью. Переселившийся в Исландию норвежский дворянин, которому посчастливилось поймать медведицу с двумя медвежатами, подарил их в 880-м году норвежскому королю и получил, в виде ответного подарка, судно, нагруженное строевым лесом. В старых сагах рассказывается, что священник Ислейф, добываясь назначения епископом Исландии, подарил в 1056 году немецкому императору Генриху II белого медведя. В 1064 г. датский король дал в уплату за белого медведя, привезенного из Гренландии, оснащенный, нагруженный товарами корабль, значительную сумму денег и драгоценный золотой перстень.

Венецианец Марко Поло, изучивший в XIII веке всю Азию до Китая включительно, сообщает в своей интересной книге, что в северных странах живут кочевые миролюбивые татарские племена, и что там водятся, в числе прочих зверей, белые медведи длинной, в среднем, до двадцати четвертей. Так как белые медведи водятся только у берегов Ледовитого океана, то отсюда можно сделать вывод, что уже около 1200 года на крайнем севере Азии жили — или, по крайней мере, кочевали для охоты — какие то племена. Уже Олаф Великий описывает до-

вольно правдоподобно образ жизни белых медведей и добавляет, что их шкуры обыкновенно приносились в дар соборам и приходским церквям, где их клали на пол в алтаре, чтобы у священников во время мессы не мерзли ноги. Однако, только со времени по-

Белые медведи.
Из книги Олафа Великого (1555 г.).

лярных путешествий англичан и голландцев, европейцы получили настоящее понятие об этих диких зверях.

К СЕВЕРНОЙ ОКОНЕЧНОСТИ СТАРОГО СВЕТА

Утром 10-го августа «Вега» и «Лена» подняли якоря, чтобы отплыть из гавани Диксона дальше на восток. «Фразер» и «Экс-

пресс», покинув нас, направились вверх по Енисею, чтобы там взять заготовленные для них грузы.

Теплая погода и свободное ото льда море вначале благоприятствовали нашей поездке, но потом поднялся туман и сгустился настолько, что «Вега» должна была уже на утро остановиться около одного из многочисленных мелких островов, попадавшихся на пути.

К полудню настолько прояснилось, что мы могли двинуться дальше. Но одновременно с разных сторон появились огромные льдины, а к ночи лед стал прибывать в таком количестве, что дело грозило полной остановкой!

У основания громадной, севшей на мель, льдины, к которой мы пристали, мы увидели множество дохлой рыбы. То же явление мы наблюдали и на следующий день: около одного острова морское дно оказалось сплошь покрытым дохлой рыбой той же породы. Чем могла об'ясниться такая массовая гибель? Повидимому тем, что множество рыб было загнано льдом в относительно узкий тупик, а тут еще ночной холод затянул поверхность воды ледяной корой. Запас кислорода в этом небольшом количестве воды не мог возобновляться ни из воздуха, ни из соседних масс воды — и рыбы задохлись. Поистине, редкий случай, когда рыбы захлебнулись!

13-го августа мы со всевозможными предосторожностями двинулись дальше, мимо множества мелких островов и коварных подводных камней. Как знать, не ждет ли нас смерть за этими скалистыми рифами?

Сначала море было сравнительно свободно ото льда, но потом покрылось тонкими, несмерзшимися льдинами, которые однако не мешали нашему плаванию. К сожалению, вскоре море заволжлось необычайно густым туманом, который заставлял нас ежеминутно останавливаться и, наконец, принудил бросить якорь в маленькой бухте. Покрытый снежной пеленой берег казался огромным глетчером.

Едва лишь туман рассеялся, мы двинулись дальше. Но уже через несколько километров нас снова окутал такой густой туман, что мы должны были поспешно причалить к большой льдине. В окружавшей нас полутьме нам рисовались самые фантастические образы.

Невозможно представить себе, не испытав, какие странные обманы чувств вызывает такой туман. Правильно определить расстояние или уяснить себе величину выступающих из тумана предметов совершенно невозможно. При таких условиях естественно, что, благодаря особенностям душевного склада моряков, все мысли и чувства которых направлены к более или менее фантастическим приключениям, неясные очертания

окутанных туманом предметов превращаются в удивительные фантастические образы.

Как то раз я собрался проехать на веслах к видневшемуся в нескольких километрах от нас островку. Когда лодку спускали, небо было так ясно, что мы по пути занялись охотой на береговых птиц. Вдруг налетел густой туман, настолько неожиданно, что мы даже не успели ориентироваться по компасу. Так как нам необходимо было исследовать этот остров, чтобы выяснить, пригоден ли он для стоянки, то мы продолжали двигаться вперед. Однако вскоре поездка превратилась в полное опасностей плавание среди гонимых течением льдин.

Наконец из тумана выступили очертания темного берега. Ура! Вот он, наш остров! Нас сначала не удивило, что берег так быстро поднимался из воды: мы думали, что туман расступается, благодаря чему берег с каждой минутой вырисовывается яснее. Вскоре по бокам полосы суши показались два снежных поля, которых мы до сих пор не видели, а затем все это превратилось в морское чудовище — в моржа величиной с гору. О ужас! Чудовище вдруг ожило и задвигалось и, в конце концов, оказалось головой обыкновенного моржа, лежащего около лодки на льдине! Белые клыки мы приняли за снежные поля, а голову — за гору.

Едва рассеялся этот мираж, как вдруг один из матросов крикнул:

«Земля совсем близко! Высокая земля!»

И мы, действительно, увидели перед собою гордый альпийский ландшафт с горными пиками и глетчерами — но через несколько секунд он превратился в обыкновенную невысокую льдину, запорошенную землею.

В другой раз, когда мы в туманную погоду рискнули предпринять экскурсию, перед нами вдруг вынырнул белый медведь. Чтобы не спугнуть его, все спрятались за сани, кроме стрелка, выжидавшего, пока зверь подойдет на ружейный выстрел. Нас удивляло только, что зверь не приближался обычными зигзагами — он стоял как вкопанный на месте. Вдруг, в ту минуту, когда стрелок прицелился, медведь утратил свои огромные размеры и... улетел в виде обыкновенной снежной луни.

А вот и еще один случай. Однажды наш повар, подбежав к палатке, крикнул нам:

«Медведь, большой медведь! Нет, это олень!»

В ту же минуту он разрядил свое ружье... и медведь-олень оказался маленькой лисичей, заплатившей жизнью за честь быть принятой за большого зверя.

Эти маленькие, невинные приключения показывают, как невероятно трудно и опасно пускаться в плавание по полярному морю во время тумана!

Что же мы делали в такую погоду?

Закрепив корабли около большой льдины,

мы закинули в море глубоководную драгу и медленно поплыли уносимые течением. Добыча была так обильна и состояла из стольких морских звезд, редкостных червеобразных и моллюсков, что наш профессор просиял; едва ли за всю свою жизнь он пережил такие приятные минуты, как здесь — в ближайшем соседстве с крайней северной оконечностью Азии!

Животный мир суши был здесь, напротив, поразительно беден: мы убили горную лисицу, поймали пеструшку (нередкий на крайнем севере вид мыши-землеройки) и уложили несколько сов. Чем дальше мы подвигались к северу, тем более оживлялись морские глубины и тем пустынее становилась земля.

Туман погружал нас на целые дни в потемки и закрывал от нас мыс Челюскин. Я уже начал опасаться, что северная оконечность материка окружена поясом льдов и потому недоступна, как вдруг туман раступился и — ура! — к северо-востоку показалось свободное ото льда пространство, вдававшееся в сушу открытым заливом; здесь мы вечером 19-го августа и бросили якорь.

Итак, мы счастливо достигли мыса Челюскина, северной оконечности Старого Света!

Ландшафт был бесконечно уныл. Не видно было ни спускающихся по откосам гор синевато-белых глетчеров, ни озер, ни живописных скал. Ничто не разнообразило

картины. Реки высохли, но широкие русла указывали на то, что во время таяния снегов здесь проносятся бешенные потоки. Тогда, конечно, птичьи крики и шум волн нарушают молчание, царящее теперь над голой, лишенной всякой растительности пустыней.

Как и при прибытии в устье Енисея, на мысе Челюскин мы были встречены рослым белым медведем, которого мы заметили еще раньше, чем бросили якорь. Он беспокойно переходил с места на место, всматриваясь в даль и стараясь определить, кто эти отважные пришельцы, с которыми ему придется иметь дело.

Мы выслали лодку, чтобы доставить на палубу явившегося приветствовать нас представителя животного мира. Но медведь уклонился от знакомства с нашими ружьями и благоразумно удрал. Салют из пушки окончательно обратил его в бегство.

Салют из пушки!

Мы достигли цели, к которой тщетно стремились мореплаватели в течение нескольких столетий: впервые корабль бросил якорь у северной оконечности Старого Света! Удивительно ли, что взвились флаги и прозвучал пушечный выстрел? В память нашей высадки, мы соорудили пирамиду из камней, послужившую, кстати, для определения географического положения этого пункта.

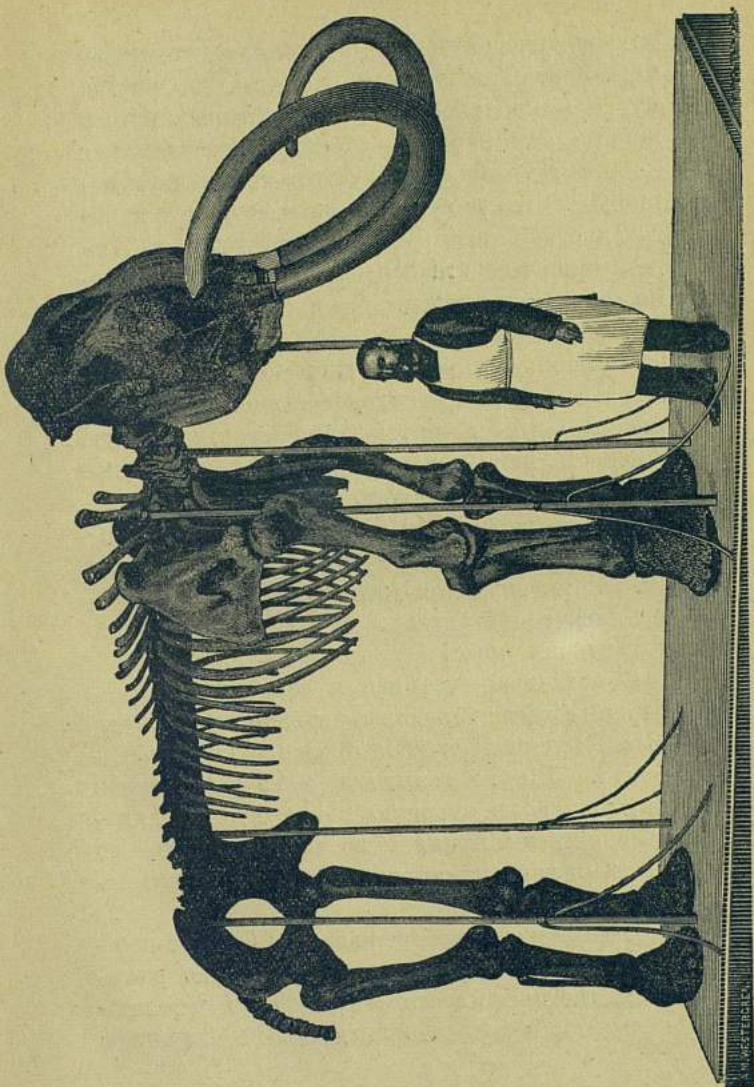
На борту сегодня было торжество с вином и вдохновенными тостами, выражавшими нашу пламенную надежду на дальнейший успех!

В СТРАНЕ МАМОНТОВ

Закинув снова нашу драгу, мы вытащили на этот раз со дна моря кроме плавучего леса еще полуистлевшие бивни — то были клыки такого исполинского слона, какого нет ни в одном зверинце. Мы ведь находились в области пастбищ мамонта.

Северная оконечность Азии и лежащая к востоку от нее группа Новосибирских островов издавна привлекают сибирских искателей слоновой кости чрезвычайным богатством мамонтовыми клыками. Тщательными исследованиями ученых установлено, что некогда мамонты — вид огромных, волосатых северных слонов — многочисленными стадами бродили по лугам и лесам северной Азии. Остатки мамонтов случалось находить также в северной Америке, Англии, Франции, Швейцарии, Германии, Австрии и России, но здесь попадались только неполные скелеты, тогда как в Азии, и именно в северной Сибири, найдены были целые замерзшие мамонтовые туши, с мясом и кровью — как бы законсервированные в холодильнике. Полный скелет такого доисторического великана находится в Музее Петербургской Академии Наук.

По определению геологов, в расчетах которых тысячелетия идут за дни, это животное вымерло «в сравнительно недавнее время». Правильность этого мнения доказана

Скелет сибирского мамонта.

археологическими находками, сделанными во Франции. Там нашли около остатков костра куски мамонтовой кости, на которых рукою дикаря нацарапаны изображения мамонта с хоботом, клыками и густым волосяным покровом. Эти рисунки являются явным доказательством того, что во времена первых людей мамонт еще жил в Европе. Следовательно, наши прапрадеды были свидетелями вымирания мамонтов.

Так как трупы азиатских мамонтов находятся в земле, то у якутов и остяков сложилось поверье, что мамонты, которых эти дикари обожествляют, и поныне живут под землею, роясь в ней, как кроты. В Китае простонародье считает клыки мамонта зубами исполинских крыс, прячущихся в землю от света, а хитроумные китайские ученые объясняют землетрясения деятельностью этих гигантских крыс!

С помощью туземцев я сам нашел в северной Сибири, вместе с черепом мускусного быка, куски костей и обрывки шкуры мамонта. Шкура толщиной в 25 миллиметров выдубилась в твердую кожу, что неудивительно, если принять во внимание, что со времени гибели мамонта прошло много, много тысячелетий!

Чем ближе к побережью, тем больше шансов найти остатки мамонта, особенно в местах, где после весеннего вскрытия рек происходят обвалы. Но нигде их не находят в

таком количестве, как около сибирского Нордкапа. Здесь на одном небольшом клочке земли мы нашли однажды 10 торчащих из земли клыков, а на одной из отмелей охотники-собиратели в течение 80-ти лет добывали огромные количества драгоценной кости.

Тот факт, что и сейчас еще находят скелеты мамонтов, объясняется тем обстоятельством, что прибой вымывает кости и клыки этих животных из прибрежных песков, и при длительных восточных ветрах, когда отмели совершенно высыхают, их нетрудно найти.

Клыки мамонтов, находимые около северного побережья, обыкновенно бывают меньше, найденных в глубине Сибири. Чем объясняется это явление? Предполагают, что когда мамонты паслись стадами на равнинах Сибири, их так мучили овода, слепни и комары, что животные искали спасения на севере, при чем более молодые и подвижные особи уходили дальше, чем старые; их то скелеты и находят около побережья. Таким образом, этой ценной находкой мы отчасти обязаны южно-сибирским насекомым!

НАКОНЕЦ МЫ ВСТРЕЧАЕМ ЛЮДЕЙ

В первых числах сентября мы прошли мимо Медвежьих островов. Наша спутница «Лена» покинула нас в конце августа и, направившись вверх по реке Лене, 21-го сен-

тября прибыла в Якутск, где была встречена с большой радостью и чисто русским гостеприимством, как первый корабль, проникший этим путем в сердце Сибири.

Медвежьи острова вулканического происхождения и представляют собой остатки извержения горных пород. Поверхность их выветрилась, но кое где уцелели исполинские, одиноко торчащие столбы. Четыре подобных столба дали одному из островов имя «Острова четырех столбов». Такие же руиноподобные образования встречаются не только на лежащем напротив мысе Баранова, но и далеко на восток по побережью Сибири. Часто такие фантастические скалы занимают значительное пространство, по которому они раскинуты группами или правильными рядами. С моря такая картина настолько напоминает развалины города, некогда окруженного сильными стенами и состоявшего из великолепных храмов и зданий, что невольно является соблазн видеть здесь, на крайнем севере, следы деятельности какогонибудь Тамерлана или Чингиз-Хана.

Нам удавалось все время находить открытый проход по ледяному морю, иногда, впрочем, после долгих и не безопасных поисков.

Обогнув мыс Челюскин, мы повернули к югу; здесь дорога стала легче, и мы уже мечтали, что успеем дойти до Берингова пролива и до наступления зимы пробраться в Тихий океан.

Прошло уже несколько недель с тех пор, как мы в последний раз видели людей и человеческое жилье.

Наконец, 6-го сентября, находясь недалеко от мыса Шелагского, мы издали увидели две лодки! Вся команда столпилась на палубе, за исключением, впрочем, нашего повара, которого никакая катастрофа не могла бы заставить покинуть кастрюли и сковородки. За все время, что мы были в пути, он ни разу не сошел на берег.

Лодки приблизились и оказались, подобно эскимосским, сделанными из оленьих шкур. Смеющиеся, шумные туземцы — мужчины, женщины и дети — криками дали понять, что хотят подняться на корабль.

Наконец-то мы опять увидели людей!

Машину остановили; лодки причалили, и толпа закутанных в меха людей влезла на борт с ловкостью, свидетельствовавшей о том, что «Вега» была не первым судном, попавшим в их страну. Завязалась оживленная беседа; к сожалению только, никто из нашего экипажа, также как и из команды сибирских лодок, не мог служить переводчиком. Это было очень печально, но мы помогали себе, как могли, жестами.

Вскоре на борту воцарилось веселье — особенно после того, как мы роздали гостям табак и голландские глиняные трубочки. Меня поразило то, что никто из туземцев не говорил ни слова по-русски. Из всей ком-

пании один мальчик с трудом мог считать до десяти по английски — доказательство того, что им чаще приходилось иметь дело с американскими китоловами, чем с русскими купцами. Туземцы называли себя чукчами.

Чукчи-мужчины, рослые и крепкие, были одеты в кожаные узкие штаны и тулупы из оленьего меха. На одном из них была непромокаемая куртка из тюленьих кишек. Головы чукчей были обнажены; волосы коротко подстрижены, и только спереди оставлен был чуб, зачесанный на лоб. У некоторых шапки были заткнуты за пояс: очевидно, погода казалась им слишком жаркой, чтобы нужно было покрывать голову. Почти все они были темными брюнетами.

Женщины были все без исключения татуированы; черные полосы пересекали их лоб и нос; подбородок и щеки также были обезображены рисунками. Но самый тип их показался мне менее неприятным, чем тип самоедок, а некоторых девушек можно было бы даже назвать хорошенькими, не будь их лица обезображены татуировкой. В противоположность самоедкам, они казались довольно опрятными.

Распростившись со своими гостями, мы вскоре двинулись дальше. Чукчи вернулись в свои лодки видимо довольные подарками — пучками листового табаку и глиняными трубками — каждый получил их столько,

сколько мог захватить рукой. Кроме того, мои люди щедро поделились с чукчами кое-какой одеждой, а также кусками материй: все мы были убеждены, что уже в ближайшие дни попадем в фарватер, в котором теплые вещи нам не будут нужны. В восточно-азиат-

Татуировка чукотской женщины.

ских портах, на берегах Тихого океана, придется одеться совсем иначе.

7-го сентября мы двинулись под парами дальше вдоль берега, при довольно благоприятном состоянии льдов. Ночью мы пристали к льдине. Закинутые нами сети и драга принесли обильную добычу. Зато утром нас опять окутал такой густой туман,

что мы были принуждены снова пристать к льдине, неподалеку от берега.

Когда туман поредел настолько, что наш корабль стал виден с берега, к нам опять явились в гости туземцы: вчерашние гости прислали своих земляков, которых мы тоже угостили, чем могли. Красноречивыми жестами они приглашали нас сойти на берег и пойти к ним, в их палатки. Так как, принимая во внимание лед и туман, нечего было и думать ехать дальше, то мы приняли это приглашение. Я велел спустить лодку и с большой частью товарищей отправился на сушу.

Берег здесь имеет вид низкого песчаного вала, который тянется между морем и лежащей приблизительно на том же уровне мелкой лагуной или пресноводным озером. Далее вглубь суша постепенно поднимается и переходит в голые холмы, теперь слегка запорошенные выпавшим за последние дни снегом. Подобные лагуны, впервые встреченные нами здесь, очень характерны для северо-восточного побережья Сибири. Здесь не всегда легко установить границу между сушей и морем, особенно зимою. Часто бывает, что вы в полной уверенности, что едете по суше, тогда как на самом деле давно уже заехали далеко в море!

На этом плоском песчаном валу, отделяющем море от лагуны, чукчи разбили свое становище. Их жилища состоят из больших, поместительных палаток, покрытых хорошо

выделанными оленьими шкурами. В этих хоромах, освещенных и отопленных ворванью, нас приняли очень дружелюбно и радушно угощали лакомыми кушаньями и напитками.

Что же за лакомства ожидали нас здесь?

В одной палатке нам подали сваренную в большом чугунном котле оленину. В другой — нас угостили внутренностями двух только вчера зарезанных оленей. В третьей — мы увидели довольно неприятное зрелище: какая то старая женщина была занята добыванием из оленьего желудка зеленого шпинатоподобного содержимого; затем она зашила эту зеленую кашицу в сумку из тюленьей кожи — в качестве запаса зелени на зиму. Черпалом женщине служила собственная пятерня, и голые руки ее были выше локтя перепачканы очень неаппетитным шпинатом, который, впрочем, по словам датских колонистов на Шпицбергене, будто бы довольно приятен на вкус.

Нам предложили купить ворвань и были очень удивлены, что мы не обрадовались этому предложению. Но мы еще дома сделали основательные запасы ворвани, и в жирах на «Веге» не было недостатка. В других палатках нам предложили тюленьё мясо: доказательство того, что охотники в последние дни вернулись с обильной добычей.

В одной из палаток я увидал две свежие моржевые головы — отборные экземпляры с

прекрасными, большими клыками. Я попытался выменять их на чтонибудь, но тщетно: у чукчей, повидимому, существует какое то поверие, запрещающее им продавать головы убитых животных. В рассказах полярных путешественников старого времени нередко встречаются указания на то, что в некоторых полярных местностях именно головам моржей воздают божеские почести.

Детей, здоровых, крепких детей, было в становище очень много и взрослые обращались с ними как-то особенно ласково. Дети постарше бегали в палатках почти голышем; самых маленьких мужчины и женщины носили на плечах и при этом так усердно заворачивали их в меха, что они походили на меховые мячи.

МЕНОВАЯ ТОРГОВЛЯ С ТУЗЕМЦАМИ

Мы двинулись дальше на юго-восток и попали в такую область побережья, где, очевидно, никогда еще не видали европейских судов, так что наш приезд вызвал среди туземцев страшное волнение. Вначале они даже не решались подойти к нам и убегали вглубь страны, где очень быстро разнесли весть о нашем прибытии.

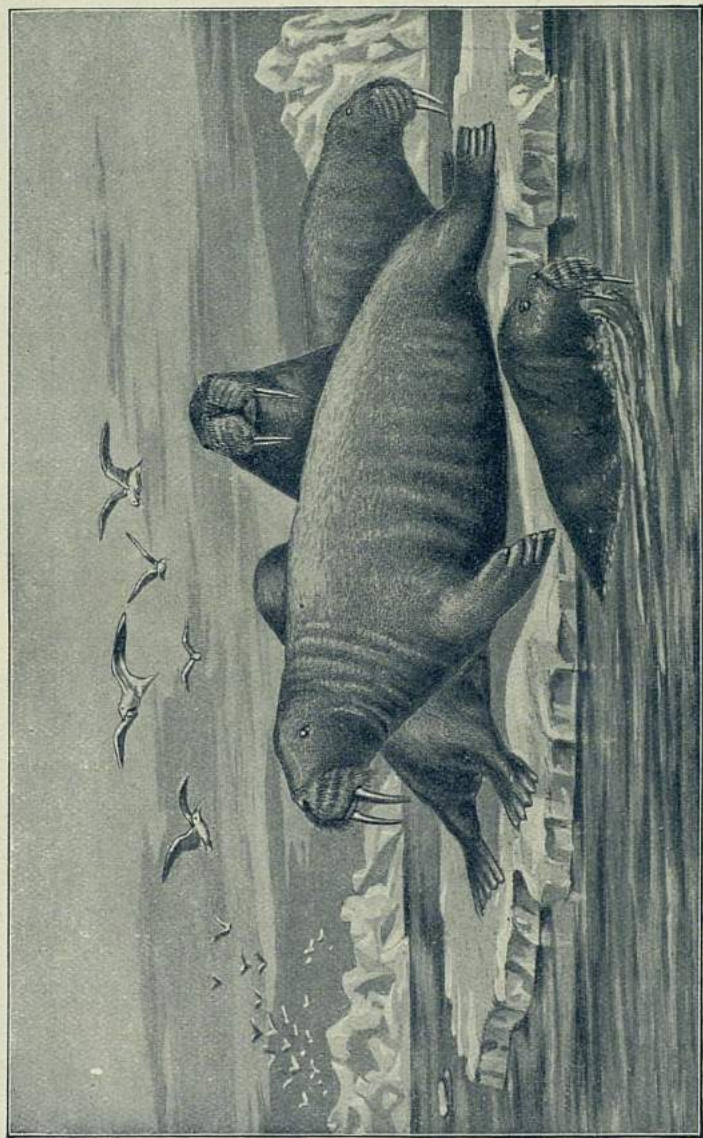
Мы, тем временем, занялись осмотром их убогих жилищ и раскопками. Недалеко от нашей стоянки оказались следы старых, дав-

но покинутых становищ: остатки очагов, камни, служившие для натягивания палаток, черепки домашней посуды первобытного типа и, главное, масса моржевых, тюленьих и оленьих костей. В одном месте мы наткнулись на множество моржевых черепов, сложенных в круглую кучу — повидимому, остатки пира, устроенного после охоты.

Неподалеку от другого становища, возле еще не совсем промерзшего и высохшего ручья, мы нашли несколько холмов, которые, как оказалось при ближайшем рассмотрении, состояли из обугленных костей. Кости обгорели так основательно, что из всей массы нам удалось определить только одну кость: человеческий зуб. Судя по разным признакам, это становище было покинуто всего только несколько лет тому назад. Впрочем, при определении возраста какого либо покинутого становища в полярных странах следует быть весьма осторожным и ни в каком случае не применять здесь опыта, приобретенного в более южных странах. Насколько невозможно на основании наших среднеевропейских познаний судить об изменениях, которым подвергается поверхность земли в этих полярных условиях, видно из того, что в Гренландии возле хижин, уже несколько столетий тому назад покинутых колонистами, можно до сих пор видеть следы человеческих ног, настолько ясные, как будто бы вчера еще кто то ходил по этим местам.

Пройдя несколько дальше, мы наткнулись на развалины своеобразных, наполовину врытых в землю жилищ, построенных частью из костей кита. Кучи отбросов, найденные по близости этих построек, содержали кости различных китообразных — в том числе белого дельфина, далее — кости тюленей, оленей, медведей, собак, а также различных птиц. Кроме этих древних охотничьих трофеев мы нашли здесь еще утварь из кости и камня. На топорищах каменных топоров дерево еще не сгнило, хотя пролежало в земле, вероятно, около четверти тысячелетия. Даже ремни, которыми камень прикреплялся к топорищу, были еще целы. Разнообразные костяные оружия и утварь свидетельствовали о том, что не столько кремнь, сколько моржевые клыки доставляли древним обитателям этого края материал для наконечников копий, стрел и топоров разного рода. Из того обстоятельства, что мы не нашли здесь больших кусков мамонтовой кости, мы сделали вывод, что жившее здесь племя не вело торговли с западно-сибирскими инородцами.

Кое-где полуразвалившиеся постройки этого неизвестного народа седой древности были использованы современным населением в качестве кладовых для жира. Какой то случайно встретившийся нам старик туземец долго недоверчиво смотрел на наши раскопки. Затем видимо пришел к выводу:

Стадо моржей.

Бѣлые медвѣди.

»Вега« и »Лена«, привязанныя къ льдинѣ.

«Экие чудаки! Ищут каких то костей и окаменелостей вместо того, чтобы воспользоваться богатыми запасами жиров в кладовых!»

Кое-где нам попадались большие кучи костей, состоявшие, примерно, из полусотни обросших лишайниками медвежьих черепов, сложенных кругами, мордами внутрь. Присутствие в этих кучах свежих, не обросших еще мхом височных костей тюленей доказывало, что перед нами священное место, где из поколения в поколение приносятся жертвы богам.

Пока мы занимались исследованиями, весть о нашем прибытии распространилась далеко в окрестности. То-то ожила эта пустыня! Ежедневно к нам в гости являлась масса туземцев. Я пользовался каждым случаем, чтобы приобретать у обитателей этого забытого богом края украшения и утварь для моей коллекции. Но попытка торговать с этими дикарями натолкнулась на большие трудности. К сожалению, у меня было слишком мало того, что является первым условием правильного развития торгового дела: меновой валюты. Так как во время моего путешествия по побережью западной Сибири, в 1875—76 гг., мне не удалось использовать мелких предметов, взятых мною тогда для торговли с туземцами, то теперь, уезжая из Швеции, я взял с собою только деньги. О деньгах же обитатели северо-восточного угла

Старого Света не имеют никакого понятия. Двадцатипятирублевые ассигнации производили на них гораздо меньшее впечатление, нежели пестрая бумажка, в которую было завернуто мыло, а серебряные и золотые монеты казались им куда менее ценными, чем светлые оловянные или медные пуговицы! Несколько мелких монет мне удалось, все таки, сбыть им, но только после того, как я их продырявил и сделал таким образом годными к употреблению в качестве ушных подвесок.

Единственным меновым товаром, имевшимся в моем распоряжении, были табак и голландские глиняные трубочки. Так как я был убежден, что еще этой осенью достигну Тихого Океана, то я щедро раздавал запасы табака и скоро промотал все эти «коричневые монеты», так что касса моя опустела.

Голландских трубочек у нас было еще много и хотя они были слишком ломки для грубых пальцев покупателей, тем не менее они оченьгодились нам. Я употреблял их не только для обмена, но и в качестве подарков окружавшим наш караван любопытным туземцам, и прежде всего одарил этими игрушками детей, надеясь тем завоевать расположение родителей и получить от последних оружие, утварь и характерные части костюмов. Кроме того, я велел раздать массу серебряных монет с изображением короля Оскара, имея при этом определенную цель—

если бы с нами случилось несчастье и в эту местность попала бы спасательная экспедиция, она тотчас же узнала бы по этим манетам, что мы побывали здесь.

В интересах будущих исследователей и промышленников я считаю нужным отметить, что для меновой торговли в этих областях наиболее пригодны следующие товары: швейные и штопальные иглы, котлы, ножи, долота, топоры, пилы, сверла и другие железные инструменты, льняные и бумажные рубахи, возможно более пестрых цветов, табак, сахар и пестрые шейные платки. Кроме того, спирт самый желательный для этих народов меновой товар. Его у меня на «Веге» были обильные запасы, но я благоразумно воздерживался от угощения дикарей спиртными напитками.

В общем, чукчи — хитрые, расчетливые купцы, хорошо умеющие соблюдать собственную выгоду. Эта торговая жилка развилась у них в результате торговли, которую они постоянно ведут на этом мостике, соединяющем Азию с Америкой. Не одна бобровая шкура, попадающая в Ирбит — главный центр торговли мехами — переходила из рук в руки американских и сибирских полудикарей, прежде чем очутиться у русского купца. Для меновой торговли между полярными народами Азии и Америки на островах Берингова пролива создалась своего рода биржа. На этом отдаленном рынке поляр-

ной Америки бобровая шкура еще несколько лет тому назад оплачивалась листом табака. Когда русские впервые попали в Камчатку, они получали по восьми соболей за перочинный нож и по 18 — за топор. В Якутске, когда туда явились русские, за медный сосуд давали, будто бы, столько собольих шкурок, сколько их можно было туда уложить.

Один из туземцев предложил мне прекрасную чернобурую лисицу за котел. Так как у повара был в запасе лишний старый чугунный котел, то я пошел на сделку, и туземец радовался, что ему удалось так ловко поддеть меня!

ЗАСТРЯЛИ В ПОЛЯРНЫХ ЛЬДАХ!

Желая избегнуть опасности вынужденной зимовки, я решил не увлекаться меновой торговлей и постараться пройти вперед.

С вершины одной из гор я увидел, что вдоль побережья тянется еще полоса воды, прерываясь только в немногих местах. Мы подняли якорь, и «Вега» двинулась дальше. Сквозь туман и льды мы плыли по неизвестному фарватеру. Километрах в двадцати от нашей последней стоянки мы попали в затор, который удалось преодолеть лишь после больших трудов и только благодаря крепости носа «Веги», прекрасно выдержавшего сильные удары льдин. Дальше при-

шлось плыть по еще более мелкой воде и, наконец, в 8 часов вечера мы уткнулись в пласт донного льда. Выбраться отсюда нам удалось лишь на следующее утро и то только после того, как часть льдины была отколота топорами и ломами. Пришлось даже прибегнуть к динамиту, чтобы проложить себе дорогу.

19-го сентября «Вега» тронулась дальше в мелкой воде, вдоль берегов, имевших причудливые, иногда очень живописные формы. Огромные, грязные глыбы плавучего льда, постоянно преграждавшие наш путь, сидели менее глубоко, чем голубой донный лед, их легче гнало к берегу и потому они являлись постоянной угрозой для нашего глубоко сидящего судна.

Вскоре мы достигли места, где лед скопился такой плотной массой, что узенькая — не более четырех метров — полоска свободной воды оставалась только около берега. Поэтому, мы вынуждены были опять причалить к пласту донного льда и около него выждать лучших условий. Ветер переменялся и дул теперь с северо-северо-запада. Однако, несмотря на это, стало теплее и начался дождь — признак того, что в том направлении должны были существовать открытые водные пространства. В ночь на 20-ое сентября шел сильный дождь. Мы сделали попытку найти место, где можно было бы пробить пригнанный к берегу пояс пла-

вучих льдов, но оказались осужденными на терпеливое ожидание: выхода из этой тюрьмы с блестящими белыми стенами не было.

Берег, возле которого мы очутились, был покрыт массами выброшенного морем плавучего леса; кроме того, то там, то сям виднелись остатки старых, давно покинутых селений. С трудом продвинувшись немного вперед, мы опять очутились в ледяном плену, и, чтобы выбраться наконец из этой опасной области, принуждены были вернуться назад. Научная экспедиция превратилась в экзамен терпения.

Погода стояла прекрасная, спокойная. Между айсбергами шныряли сотнями молодые тюлени и толпились за килем «Веги», с любопытством глядя на судно. Птиц мы видели очень мало: очевидно, они уже улетели в более южные моря — ведь уже начиналась осень.

Да, начиналась осень, а за ней приближалась полярная зима!

Послав одного из наших офицеров на паровой шлюпке для исследования глубины фарватера, я сам с несколькими товарищами отправился на берег, чтобы осмотреться. С высоты прибрежного холма мы увидали вдали огонь и услышали громкие крики — по видимому дикари справляли какой-то праздник. Мне очень хотелось отправиться туда, чтобы проститься с чукчами, так как я был твердо уверен, что в один из ближайших

дней нам удастся, наконец, уйти отсюда и пробраться в Тихий океан. Однако, в виду наступления темноты, а также в виду того, что мы не настолько знали настроение чукчей, чтобы в небольшом числе и будучи вооружены только охотничьими ружьями рискнуть явиться к ним в гости, нам пришлось отказаться от этого плана.

Мы расположились на берегу, зажгли большой костер из плавучего леса и завели разговор о нашем дальнейшем путешествии по иным морям, где нам не будут угрожать ни холода, ни айсберги, ни туманы, ни мелководье!

Вечер был прекрасный. Небо было ясно и воздух так тих и прозрачен, что блестящая поверхность тонкого льда отражала огонь нашего костра. Термометр показывал всего несколько градусов ниже нуля, однако и этого было достаточно для того, чтобы плавучий лед спекался, препятствуя движению корабля.

И вдруг случилось нечто совершенно неожиданное.

Ночью пожаловал сибирский мороз и сразу наступила зима! Хрупкая ледяная кора, спаявшая 28-го сентября донный лед с глыбами плавучего льда, крепла со дня на день. Нечего было и думать о том, чтобы двигаться дальше. Мы прочно засели во льду.

Будучи твердо уверен, что должна еще наступить перемена погоды и что довольно

двух-трех часов южного ветра, чтобы разбить ледяные оковы, преграждавшие нам путь, я вначале не особенно беспокоился по поводу этой небольшой задержки. Но когда стали проходить дни за днями и не видно было ни малейшего признака близкой перемены погоды, мне стало ясно, что нам приходится зазимовать на самом пороге между Ледовитым и Тихим океанами.

Мечты о скором возвращении на родину рассеялись.

Эта неожиданная неудача была тем досаднее, что мы могли бы избежать ее, если бы пришли сюда всего одним днем раньше. В течение нашего плавания мы много раз могли с'экономить этот день — стоило только несколько ограничить наши научные исследования. Теперь мы делали себе по этому поводу вполне основательные упреки.

Предстоящая полярная зима могла оказаться для «Веги» фатальной. Судно замерзло не на якоре в гавани — оно было только привязано к огромной льдине, севшей на мель на глубине 10-ти метров в 1½ километрах от берега. Итак, единственной защитой «Веги» от опасного напора льдов, вызываемого полярными бурями, была мало надежная при высоком стоянии воды ледяная глыба.

29-го сентября мы только благодаря счастливому стечению обстоятельств избежали катастрофы. В двухстах метрах от нас, во

время ночного бурана, новообразовавшийся лед с такой силой нажал на прежние ледяные глыбы, что старая ледяная кора, толщиной в $1\frac{1}{2}$ метра, с грохотом рассыпалась на тысячи кусков. Эти небольшие льдины нагромодились около нас огромным валом, так называемым «торосом». Если бы наш корабль стоял ближе, он был бы в одну минуту засыпан осколками льда и раздавлен в щепки!

Еще 10-го октября синий свет на востоке указывал на то, что там есть открытая вода, и мы решили отправиться туда на разведки. С огромным трудом мы прошли около 20 километров по плавучим льдам, но не нашли открытой воды и, смертельно усталые, вынуждены были вернуться назад. Теперь не было уже сомнений, что «Вега» находилась посреди ледяного поля, шириною в 30 километров, откуда нас могли освободить только весенние бури.

Морской лед вокруг «Веги» постепенно достиг толщины в 162 сантиметра. В течение зимы в этой ледяной коре часто образовывались трещины и зияющие провалы. Так 15-го декабря перед самым носом нашего корабля образовалась во льду бесконечно длинная трещина в метр ширины.

Появление подобных трещин во льду может быть обусловлено двумя причинами: либо ураганные бури сдвигают льдины с места, либо лед от быстрого понижения тем-

пературы внезапно сжимается. Такой насильственный разрыв ледяного пояса обыкновенно сопровождается страшным треском, напоминающим выстрел, и судя по тому, как часто мы слышали такие выстрелы, можно думать, что трещин во льду гораздо больше, чем это заметно снаружи, особенно там, где лед покрыт свежим снегом.

Та глыба донного льда, около которой целую зиму простояла «Вега», имела около 40 метров длины на 25 метров ширины; ее наивысшая точка поднималась на 6 метров над снежной ледяной равниной, благодаря чему льдина давала некоторую защиту нашему кораблю.

И эту-то громаду, вместе с привязанной к ней «Вегой», продвинуло зимними бурями значительно ближе к берегу!

Время от времени в корпусе нашего судна слышалось потрескивание или скрип — признак того, что корабль подвергается сильному давлению. Когда ночью, лежа в своих каютах, мы слышали, как разрывается ледяная кора или как трещит обшивка нашего корабля, мы, разумеется, чувствовали себя не особенно приятно. Ведь каждую минуту белый великан, во власти которого мы находились, мог раздавить нас. Вокруг «Вегги» ходила смерть, то грозно рыча, то тихо повизгивая.

Так как железо при охлаждении сжимается сильнее дерева, то железные болты, стяги-

вавшие деревянные части корабля, вошли глубже в обшивку. К счастью, это обстоятельство не вызвало течи, так как холод действовал только на надводную часть судна.

Хотя опыт прежних полярных путешествий — особенно же шведской экспедиции 1872—73 гг. — показал, что даже под 80° с. ш. море иногда вскрывается зимою, мы вскоре утратили всякую надежду освободиться раньше весны от об'ятий льда и приняли все необходимые меры, чтобы какнибудь пережить это время.

Выпадавший ежедневно снег оставлялся нами на палубе, так что он, в конце концов, образовал ледяную корку в 30 сантиметров толщиною. Этот ледяной покров оказался изрядной защитой от холода. Для той же цели вдоль бортов корабля насыпали высокие снежные дамбы. Ледяная лестница вела с поверхности льдины к штирборту. Над палубой, от капитанского мостика до бака, был натянут огромный тент, так что только верхняя палуба оставалась открытой. Тент для этой цели был заказан мною в Швеции.

При маломальски сносной погоде мы отправлялись на берег, чтобы хоть несколько ознакомиться с страной. Соседний берег представлял собою медленно повышавшуюся, волнистую и пересеченную долинами рек равнину; иногда земля оказывалась настолько свободной от снега, что наши ботаники могли составить себе некоторое представление

о неведомой до тех пор флоре этого уголка земного шара. На берегах пресноводных лагун, лежавших за прибрежными высотами, тянулись подушки мха и осоки (песочной травы). Дальше на холмистых хребтах, где выветрившийся гнейс образовывал более благоприятную почву, растительность становилась разнообразнее. Леса там, конечно, не было, но росли кустики ивы и брусники. Высохшие и промерзшие остатки растений указывали на то, что летом в этой пустыне водится даже морошка и кульбаба!

Помечтав о лете и о цветочном царстве нашей родины, мы возвращались на палубу покрытой льдом «Веги». Мы жили точно медведи в берлоге, питаясь запасами, взятыми из Швеции, тоской и надеждами.

БОРЬБА С ПОЛЯРНОЙ СТУЖЕЙ И БУРЯМИ

Уже 2-го октября можно было с некоторой осторожностью ходить по свежему льду вокруг корабля, а 3-го октября к нам пешком по льду пришли чукчи.

С тех пор не проходило недели без их визитов.

Когда в темные зимние дни под нашим тентом разводили кузнечный горн, чукчи с любопытством глазели на наших искусных кузнецов, ловко ковавших раскаленное же-

лезо. Наш повар охотно давал гостям суп и другие блюда, остававшиеся от нашего стола, и даже как-то испек пирог, соответствовавший их вкусу и предназначавшийся исключительно для них. В нашем салоне детей и женщин угощали сахаром и табаком, а иззябших рыбаков подчивали водочкой. Здесь же, в салоне, оценивались предлагаемые в обмен куски дерева и кости кита, а также велись переговоры по поводу ближайших поездок на собаках.

Таким образом, на борту «Веги» не было недостатка в развлечениях. Но мы ни на минуту не забывали, что нас в нашем уединении подстерегает белая смерть. Что если она вдруг схватит наше суденышко в свои костлявые лапы и раздавит его?

Случись с нашим судном беда, нам, положим, не трудно было бы перебраться по льду на сушу. Но чем бы мы тогда питались? Охотничья добыча была здесь чрезвычайно ничтожна и не прокормила бы даже трех человек, не говоря уже о тридцати. Рассчитывать же на запасы продовольствий в этой стране чукчей не приходилось: фаталисты-туземцы, повидимому, буквально следовали библейскому завету: «не пецйтесь убо об утреннем!» Если бы в случае катастрофы нам не удалось спасти продовольственного магазина «Веги», то все мы погибли бы от голода.

Так как главная часть наших припасов находилась внутри корабля, то спасти их

было бы весьма затруднительно, особенно, если бы льды разрезали «Вегу» по ватерлинии. Чтобы застраховать себя от подобной случайности, которая бы повлекла за собой неминуемую голодную смерть, мы устроили на суше склад с'естных припасов, оружия и патронов. Запас сложенного там провианта мог обеспечить 30 человек на 100 дней.

Наш склад на берегу мы оставили без всякой охраны, накрыв его только парусами и веслами. С удовольствием отмечаю, что, хотя чукчи знали о существовании склада и очень нуждались в продовольствии, наших запасов они не тронули. С каким-то благоговением проходили они мимо этих богатств, которые, по их мнению, могли обеспечить благополучие всего Чукотского полуострова на целый год.

За всеми этими приемами гостей и путешествиями в их деревни — ближайшая из которых называлась Питлекай — мы не забывали и научных работ. Больше всего внимания мы посвящали научным и метеорологическим наблюдениям, которые с 1-го ноября велись ежечасно, днем и ночью. Как ни плотно облегал лед «Вега», он, однако, не представлял достаточно устойчивого фундамента для монтировки магнитных инструментов и поэтому магнитную обсерваторию устроили на суше, приблизительно в 1½ километрах от корабля. Ее построили из прекраснейшего материала, каким вряд-ли случалось пользоваться заправским архитекторам:

из больших четырехгранных, голубых ледяных глыб. Чукчи называли это строение «тинтиня-ранга» т. е. «ледяной дом», и вскоре это название стало употребляться всеми нами. В качестве цемента наш строитель — капитан корабля Паландер — употребил смешанный с водою снег; крышу сделали из досок. Вскоре обнаружилось однако, что буря, пробиваясь через щели, заметала снег внутрь дома, что сильно мешало работе; поэтому весь дом обтянули парусиной.

Наш ледяной дом был очень просторен и во всех отношениях отвечал цели. Только, к сожалению, там всегда бывало очень холодно, а так как при постройке его нельзя было применить железа, то не удалось устроить и очага. Мы было попробовали воспользоваться медным кипятильником, чтобы хоть сколько нибудь прогреть помещение, но это привело лишь к тому, что наблюдатель едва не задохся от дыма. Позднее мы неожиданно обнаружили на корабле бочку с салом когда то убитого медведя и вздумали скрасить свое пребывание в «ледяном доме» лампами, заправленными ворванью. Вышло еще хуже: чад от ворвани был невыносимее угольного дыма, а прелестные кристаллы, постепенно выросшие на потолке и стенах дома, покрылись слоем сажи. Тогда мы прекратили все эти опыты и подарили сало нашим приятелям-чукчам, которые жаловались, что у них нет другого топлива, кроме дров.

Вблизи ледяного дома выстроена была метеорологическая будка, а позже мы построили еще несколько обсерваторий, но уже не изо льда, а в гренландском стиле — из снега.

Чукчи следили с большим интересом за постройкой ледяного дома. Они удивлялись тому, что мы не собираемся жить в нем и смотрели с изумлением, как там устанавливали необыкновенные, блестящие металлические приборы; им казалось также странным, что в доме постоянно горел удивительно яркий свет — на самом деле это была только скромная стеариновая свеча! Любопытство их было возбуждено до крайности, нам же было трудно удовлетворить его с помощью утомительного языка знаков. Позже, когда у нас с чукчами выработался специальный язык — своего рода «эсперанто», они все еще продолжали расспрашивать нас о доме с удивительным светильником, но уже без особенного волнения. Как люди разумные, они постепенно пришли к выводу, что было бы бесполезно доискиваться удовлетворительного объяснения всех тех глупостей, какие проделывают чудаки-пришельцы: ясно, что эти люди может быть и богаты разными земными благами, но практического смысла им не хватает.

Наблюдателям приходилось по крайней мере 4 раза в день ходить в обсерватории по коварному ледяному полю. Рыхлый, тонкий

как пыль, снег вздымался при малейшем ветерке и мгновенно заметал все следы, что значительно затрудняло возвращение, если вспомнить, что в непроглядно-темные зимние ночи нельзя было рассмотреть даже ближайших предметов. А если при этом еще шел снег, то высокий корпус судна можно было заметить только, когда он оказывался перед самым вашим носом. Во время снежной бури или тумана было совершенно невозможно отыскать корабль, и всякий, кто заблудился бы на этих покрытых трещинами ледяных полях, был бы обречен на верную гибель. Были приняты поэтому особые меры предосторожности: от обсерватории к «Веге» протянули канат. Однако даже и с его помощью нередко трудно было благополучно добраться до крова, особенно в бурю.

А бури эти бушевали почти непрерывно; они налетали с северо-запада и с северо-северо-запада, но, судя по направлению облаков, даже на небольшой высоте уже преобладали юго-западные течения, и как только последние спускались еще ближе к поверхности земли, воздух нагревался и насыщался влагой. Причина этих двойных воздушных течений легко выясняется, если мы вспомним, что Берингов пролив, при входе в который мы застряли, представляет собою окруженные довольно высокими горами ворота между теплой областью Тихого океана и холодным полярным морем. Ветры должны

были подчиняться здесь тем же законам, как и тяга в дверях, ведущих из теплой комнаты в холодную.

Становилось все холоднее и холоднее. Термометр упал до 30, 35, 40 и, наконец, до 46° ниже нуля! Впрочем, в сибирском городе Верхоянске зима бывает еще значительно холоднее, чем здесь, на нашей зимней стоянке; там находится «полюс холода» Старого Света.

В тихую погоду даже 46°-ный мороз можно было выносить, но бури превращали наше пребывание здесь в настоящий ад. В наших метеорологических записях мы различали: снежную бурю, снег при буре, и развевание прежде выпавшего снега. Благодаря морозам, снег был до того сыпуч, что высоко взмывался при малейшем ветерке, при сильных же ветрах воздух наполнялся такой густой снежной пылью, что уже в нескольких метрах расстояния ничего не было видно. В такую погоду невозможно различить дорогу, и заблудившемуся грозила верная гибель, если он не догадывался закопаться в сугроб — как научили нас чукчи — и переждать бурю. Массы замерзшего пара несущиеся, в виде снежного потока, по северному побережью Сибири к югу, напоминают массы воды самых могучих рек наших континентов.

На многих льдинах вблизи нашего корабля оказались лужи пресной воды, хотя и

покрытые ледяной коркой на поверхности, но все же долгое время снабжавшие нас превосходной водой для питья и стирки. Только после 14-го декабря эти лужи промерзли до дна, и с тех пор нам пришлось готовить пресную воду, растопляя снег и лед.

Две проруби во льду мы продержали открытыми в течение целой зимы — одну около корабля, для выбрасывания отбросов, другую — для наблюдения за высотой приливов и отливов. Последнюю облюбовал себе один тюлень, как место для игры. Однажды мы поймали его и затащили в гости на корабль, но он отказался от всех предложенных ему лакомств и пришлось отпустить его на волю. К сожалению, ему, повидимому, так не понравилось на корабле, что он больше не показывался.

Во время ураганных полярных бурь при 46° мороза было чрезвычайно опасно обнажать лицо и руки. Отмораживание открытых мест происходит мгновенно и может быть очень опасно, если во-время не растереть обмороженные места тающим снегом. Почти все мои товарищи, впервые зимовавшие в полярной области, так или иначе пострадали от сибирских холодов; нередко на отмороженных местах образовывались большие, налитые сукровицей пузыри.

Наученные опытом, мы скоро сделались осторожнее и случаев серьезного отмораживания у нас, к счастью, не было. Этим мы

обязаны прежде всего нашей зимней одежде. Вот перечисление отдельных частей нашего полярного костюма:

Хорошее шерстяное белье.

Хорошо сшитая, снабженная массой карманов блуза из парусины, надеваемая поверх обыкновенной матроски.

Лапландский пэск — подбитая мехом куртка.

Очень большие сапоги из парусины, с кожаными подошвами и вложенной внутрь высушенной осокой. На ногах — две пары чулок, обмотанные войлочными портянками. Парусиновые сапоги оказались лучше всякой другой обуви — особенно при мокром снеге; они непромакаемы, и не тяжелы, а лежащее в них сено за ночь просыхает.

Эрезундская шапка; большой войлочный башлык, какие приняты в русской армии.

Рукавицы из тюленьего меха и оленьей кожи, подбитые барашком и отороченные на запястье длинным мехом.

Цветные очки — необходимая защита от яркого света. Те, кто пренебрегали этими очками, платились, на более или менее продолжительное время, снежной слепотой.

На борту нашей «Веги» было далеко не так холодно, как можно было бы предположить. Правда, стены кают иногда покрывались толстой корою льда, но в помещении для работы было в среднем 10° тепла.

Гораздо неприятнее была духота и чад от больших чугунных печек, топившихся в ма-

леньких, плотно закупаренных помещениях. Иногда утром, после бурной зимней ночи, вахтенные, исполняя просьбу хорошенько протопить, так усердно брались за дело, что вскоре мы все обливались потом. Приходилось выскакивать из постели, принимать душ, одеваться и бежать на палубу поостыть под полярной бурей.

Состояние здоровья всей команды в течение зимы было чрезвычайно удовлетворительно; в дневнике нашего врача отмечено всего несколько более или менее серьезных заболеваний, скоро однако излеченных; главное — не было ни одного случая цынги, этой ужасной болезни, в прежнее время свирепствовавшей среди команд кораблей подобно чуме и еще и поныне, из года в год, вырывающей много жертв из среды полярных путешественников.

Отличное состояние здоровья у нас на борту об'яснялось, очевидно, прежде всего хорошим настроением, царившим среди ученых, офицеров и команды, затем рациональным оборудованием помещений «Веги» и, наконец, правильным питанием, достаточно сытным и разнообразным и приспособленным к условиям полярного климата на основании опыта прежних путешественников.

ГОЛОДНЫЕ ГОСТИ НА «ВЕГЕ»

Как изменились обстоятельства со времени нашего прибытия к преддверию Берингова пролива! Тогда наше появление вызвало среди туземцев страшное волнение. Мы видели издали в бинокль, как метались по берегу мужчины, женщины, дети и собаки: некоторые пытались поскорее добраться до корабля на санях, запряженных собаками, видимо боясь упустить случай добыть водку и табак; другие делали тщетные попытки спустить лодку, и когда наконец им удавалось найти свободную ото льда полыню, кожаная лодка переполнялась мужчинами и женщинами настолько, что грозила затонуть. Люди гребли изо всех сил и кричали: «Аноай! аноай! Добрый день! Добрый день!»

С тех пор у нас установились с чукчами постоянные дружеские сношения: они стали нашими ежедневными гостями.

Из санитарных соображений мы, правда, только в исключительных случаях пускали их внутрь судна. Сначала это их обижало, но наша настойчивость в этом вопросе, соединенная с дружелюбием и щедростью, скоро успокоили их самолюбие.

Накрытая тентом палуба «Веги» вскоре сделалась настоящим приемным салоном для окрестного населения. Ежедневно у трапа

«Веги» стояли рядами собачьи упряжки, ожидавшие хозяев или появления повара, который, жалея голодных людей и животных, раздавал им остатки с'естного.

Известие о прибытии диковинных чужеземцев очень скоро распространилось далеко вглубь страны, и в непродолжительном времени к нам стали являться гости из отдаленнейших местностей. В конце концов, «Вега» превратилась в постоянный двор, где на несколько часов задерживались едущие мимо туземцы со своими собаками и санями, чтобы удовлетворить свое любопытство или получить за какойнибудь товар табак и водку.

Все наши гости беспрепятственно шныряли по палубе, загроможденной массой заманчивых вещей, и тем не менее мы не можем пожаловаться на пропажу хотя бы какойнибудь мелочи: честность, очевидно, так же свойственна чукчам, как и лапландцам-оленьводам. Иногда только при меновой сделке, они пытались какнибудь провести нас, европейцев: мелкое жульничество не считается у них пороком, а напротив — заслугой. Нередко они дважды продавали одну и ту же вещь, недобросовестно расхваливали свой товар и особенно щедро давали разные обещания, выполнить которые даже не собирались. Но чаще всего они надоедали нам своим попрошайничеством, которое является следствием полного отсутствия у них чувства собственного достоинства.

Полное незнакомство чукчей с употреблением денег и незначительное количество наших запасов меновых средств, отвечающих их вкусу, вынудили меня оценивать наши товары очень дорого. Туземцев чрезвычайно изумляло, что мы не покупаем наиболее ценных в полярных странах товаров: шкур и сала, а зачем-то вымениваем на драгоценную водку их будничную утварь, инструменты, оружие и наряды.

Все наши закупки происходили за счет экспедиции. Собираение естественно-исторических и этнографических предметов на личные средства было строго запрещено — правило, которое следовало бы соблюдать во всех научных экспедициях, не имеющих в виду частных интересов.

Когда чукчи научились ценить наши блюда, они стали ежедневно привозить нам плавающий лес и китовую кость, которую мы, из-за богатого содержания жира, употребляли в качестве топлива. Эти товары они выменивали на хлеб. За китовый позвонок или за 5 вязанок дров они получали два корабельных сухаря. Скоро молодежь стала изо дня в день являться на борт, предлагая нам свои услуги. Наш повар, по вполне понятным причинам, стал их кумиром.

Так постепенно, то в виде вознаграждения за работу, то в виде платы за товары, то в виде милостыни, были розданы большие количества съестных припасов, что значительно

смягчило голод, начавший угрожать туземцам с половины зимы.

Среди чукчей, живших около стоянки «Веги», не было ни одного христианина. Ни один из них не говорил ни на одном европейском языке, хотя кое кто знал несколько английских или русских слов. Естественно, что это причиняло нам массу неудобств и лейтенант Нордквист решил поэтому изучить чукотский язык. Он с таким рвением и успехом взялся за дело, что уже через несколько недель мог об'ясняться с туземцами без помощи жестов. Изучение языка затруднялось для нас тем обстоятельством, что чукчи из вежливости делали вид, что не замечают наших ошибок в словообразовании и произношении.

За это время туземцы тоже кое чему научились. Они стали понимать отдельные слова нашего языка, так что вскоре выработался до некоторой степени понятный обоим сторонам жаргон, которым многие из нашей команды владели мастерски. С помощью этого «эсперанто» мы могли, в случае нужды, столкнуться о всевозможных вещах.

Мы давно уже должны были отдать визит нашим частым посетителям и, наконец, решили отправиться на берег, в страну вечно голодных дикарей, а оттуда попытаться пробраться несколько дальше, вглубь материка.

Прибрежная полоса, отделявшая вблизи корабля лагуны от моря, была буквально

усеяна костями китов, скелетами тюленей и моржей; здесь же виднелись остатки человеческих жилищ, принадлежавших, повидимому, кочевым племенам. Более неприветливой и печальной местности мне не случалось видеть даже у лапландцев, самоедов или эскимосов. Когда лед сделал нас пленниками этого уголка земного шара, на берегу находилось чукотское поселение, состоявшее из семи палаток. Вскоре, однако, жители из-за недостатка пищи переселились в места более богатые рыбой. При переселении они взяли с собой только самое необходимое, так как рассчитывали вернуться, как только улучшатся виды на охоту.

Трудно было определить численность населения одной чукотской палатки, потому что болтливые и общительные чукчи охотно ходили друг к другу в гости и редко бывали дома. В среднем, однако, можно считать по 6-ти человек на палатку. По такому расчету, на расстоянии семи миль вокруг «Веги» должно было жить приблизительно человек триста.

Побывав в прибрежных становищах, мы 8-го октября выехали на санях, запряженных собаками, вглубь страны, в юго-восточном направлении. Одного чукчу мы наняли в качестве кучера, другой почти все время бежал впереди нас, отыскивая дорогу. В общем, передвижение шло не очень быстро.

На следующий день, в 8 часов утра, мы прибыли в чукотское становище, бывшее ко-

нечной целью нашей поездки. Оно находилось в котловине, вокруг которой возвышались метров на 300 засыпанные снегом горы.

Чукотская знать вышла нам навстречу и приветствовала нас по русскому обычаю: они расцеловали нас сперва в щеки, а потом в губы. Женщины низко кланялись и пожимали нам руки. Мы вошли в палатку, вокруг которой скоро собралась толпа любопытных. Это было становище очень зажиточных чукчей-оленоводов, ведущих постоянную торговлю как с азиатами, так и с американцами. Между палатками стояло много порожних и груженных экипажей: легких, низеньких — беговых и прочных, тяжелых — грузовых саней.

Утварь, которую мы увидали в палатке, состояла из нескольких медных кофейников, куба из белого металла с английской надписью, нескольких чашек и блюдец, плоских деревянных корыт и таких же мерок для муки. Железные ножи, топоры и сверла они, очевидно, выменяли у американцев.

Одежда чукчей-оленоводов состоит из оленьих шкур, но к нашему прибытию они вырядились в пестрые рубахи русского происхождения. Женщины носили в виде украшений стеклянные бусы, нанизанные на тонкие струны, сделанные из оленьих жил. У многих мужчин и женщин на шее висели крестики с надписями или просто куски резного дерева. Были-ли эти деревяшки

идолами или амулетами — нам узнать не пришлось.

Так-как здесь нам не удалось получить оленей, которых мы хотели купить для экспедиции, то мы отправились на санях в другое становище, где нас приняли так же дружелюбно, и где мы переночевали.

Все обитатели палатки спали в общем помещении, имевшем около двух метров ширины, двух метров длины и одного метра вышины. Утром раньше всех встала хозяйка и занялась варкой мяса; блюдо это было съедено еще до одевания.

Позавтракав, наши хозяева занялись ловлей и убоем оленя. Двое мужчин пошли к оленьему стаду и, наметив животное, которое собирались убить, чрезвычайно ловко накинули ему с 10-ти-метрового расстояния аркан на рога. Олень стал кидаться из стороны в сторону, пытаясь освободиться, и тащил за собою того, кто держал веревку. Другой, между тем, приблизился к животному, схватил его за рога, повалил и убил ударом ножа ниже лопатки; затем оленя предоставили в распоряжение женщин, принявших его свежевать.

На следующий день, еще до обеда, мы пустились в обратный путь и при наступлении ночи нашли убежище в бедной палатке на побережьи. Кое-какая одежда, чугунный котел, несколько штук деревянной посуды и бубен шамана — вот все, что оказалось в

этой палатке! Здесь царила крайняя бедность — мы вновь попали в область наших голодных друзей.

Увидев воочию всю нищету этих беднейших из бедняков, мы стали давать им двойную порцию пищи, когда, продрогшие и голодные, они являлись к нам на борт «Веги».

ЧУКОТСКИЙ КНЯЗЕК НА БОРТУ «ВЕГИ»

5-го октября вода между ледяными полями около корабля покрылась превосходным, чистым льдом. Мы воспользовались случаем покататься на коньках и при этом видели, как чукотские женщины и дети удят рыбу.

Делается это так: сопровождающий женщин мужчина пробивает шестом, обитым железом, дыру во льду, на таком расстоянии от берега, чтобы нижняя поверхность льда была больше чем на $1\frac{1}{2}$ метра выше морского дна. У каждого такого отверстия становится одна женщина и при том только на короткое время. Она нагибается над прорубью, очищая поверхность воды от льдинок посредством особого сита, и подманивает рыбу странными, лающими звуками. Завидев подплывающую рыбу, женщина бросает в воду леску, снабженную крючком из кости, железа или меди; в качестве приманки служит кусок рыбьей кишки. Иногда вместо лесок женщины употребляют деревянные палки, длиною в

метр, снабженные двойным крючком. Посредством этого снаряда они с невероятной ловкостью выбрасывают рыбу на берег.

Пока мы смотрели на удящих женщин и изумлялись их ловкости, на горизонте показался какой-то странный, двигавшийся по льду поезд. Вернувшись на «Вегу», мы разглядели, что множество чукчей тянут сани, на которых лежит какой-то человек, и предположили, что это больной, едущий к нам за медицинской помощью. Однако, когда поезд достиг корабля, мнимый больной вскарабкался по трапу наверх, с гордо поднятой головой взшел на палубу, поздоровался с нами с оттенком снисходительного превосходства и на ломанном русском языке дал нам понять, что он — человек, имеющий большое влияние в здешней стране. Вскоре выяснилось, что на нашу долю выпала честь принимать представителя русской власти.

Это был Василий Менка, князек чукчей-оленеводов.

Чтобы обеспечить себе подобающее почтение с нашей стороны, он явился к нам в санях, запряженных своими подданными!

Менка, маленький, смуглый человек довольно невзрачного вида, был одет в дорогой пэск — оленью доху из пятнистого меха, из-под которой выглядывала голубая фланелевая рубаша.

Прибыв на корабль, он, в качестве удостоверения своего титула, немедленно пока-

зал нам расписку в том, что им внесено для уплаты податей русским властям столько-то песцовых шкур. Нас не мало позабавило что в этой местности квитанция о взносе налога служит визитной карточкой.

Пригласив Василия Менку в кают-компанию, мы наперерыв угощали его и засыпали вопросами, которые он, правда, понимал не сразу, но старался отвечать на них по русски, хотя по его напряженному лицу было видно, как ему трудно думать и говорить; как бы то ни было, это был первый человек, с которым мы могли кое-как побеседовать. Читать и писать наш важный гость не умел, зато он сразу понял значение показанной ему карты и немного погодя отметил на ней с большой уверенностью ряд важных географических пунктов северо-восточной Сибири.

О существовании русского императора князек Менка не имел ни малейшего понятия, но знал, что в Иркутске живет какая-то важная особа: самым высокопоставленным лицом на земле был для него иркутский генерал-губернатор.

Войдя в кают-компанию, Василий стал было усердно креститься на висевшие в кают-компании фотографии и гравюры, но скоро перестал это делать, заметив, что мы не следуем его примеру.

Менку сопровождали два косоглазых туземца, очевидно его рабы. Оба несли с некоторою торжественностью приветственные

подарки Менки: два куса лакомого оленьего жаркого. Мы подарили князьку шерстяную рубаху и связку табаку.

Менка рассказал нам, что собирался на следующий день в Марково, русское поселение в северо-восточной Сибири. Это нас очень обрадовало, так как мы решили попытаться послать через него несколько писем, содержащих сведения о положении «Веги» и о состоянии здоровья на борту, чтобы на родине, наконец, узнали о нашей судьбе. Мы составили письмо по русски на имя иркутского генерал-губернатора, с просьбой сообщить его содержание королю Швеции. Письмо это, вместе с несколькими запечатанными сургучом частными письмами, было упаковано между двумя дощечками и передано Менке с просьбой, как можно скорее передать его русским властям в Маркове.

Но Менка, повидимому, принял наше письмо за какую-то полномочную грамоту для себя. Во всяком случае, прибыв на сушу, он, в присутствии нескольких наших офицеров, собрал вокруг себя своих чукчей, уселся с важностью по середине круга, и, держа бумагу кверху ногами, прочел своим благоговейно слушающим подданным какие-то удивительные вещи, будто-бы написанные в письме. Чукчи изумлялись его учености, а мои офицеры — глупому высокомерию неграмотного дикаря.

На следующее утро важный и ученый князек посетил нас вторично.

Мы его опять наилучшим образом угостили и снова обменялись подарками. Василий был очень доволен и к величайшему удовольствию присутствовавших европейцев и азиатов стал плясать под звуки фисгармонии. Затем мы еще раз попросили его возможно скорее доставить нашу почту.

Десять дней спустя, когда мы были твердо уверены, что Менка находится в Маркове, у исправника, на борт «Веги» является — кто-бы вы думали? — Василий Менка! Он будто-бы не мог выехать, не имея «акмими» — «огненной воды», и потому просил нас дать ему за трех убитых оленей немного рома.

На этот раз мы приняли заносчивого князька менее любезно: ведь мы твердо надеялись, что наши письма давным-давно находятся в пути и были очень огорчены задержкой. Кроме того, мы вообще очень неохотно платили водкой и предложили Менке вместо рома серебряные рубли, от которых он отказался. Заметив перемену настроения, князек очень скоро уехал.

Желание во что бы то ни стало сообщить друзьям на родине о нашем положении заставляло нас делать все возможное, чтобы доставить наши письма на какую-нибудь сибирскую почтовую станцию. Мы пускали в ход все наше красноречие и всевозможные подарки, чтобы склонить туземцев отвезти в Марково нашу почту. Переговоры как будто обещали успех: находились желающие по-

ехать, мы выдавали им в качестве задатка оружие, продовольствие, вождеденные пестрые рубахи и даже водку, назначался день от'езда — но в последний момент чукчи под каким-нибудь предлогом уклонялись: то было слишком холодно, то слишком темно, то не хватало корму для собак и т. п. Было совершенно ясно, что все это пустые отговорки и это возмущало и раздражало нас. В конце концов, мы убедились в полной ненадежности этих дикарей, у которых не существует понятия об обязательности раз данных обещаний.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ И НРАВЫ

Обычаи и нравы обитателей северо-восточного угла Старого Света настолько своеобразны, что можно было бы написать о них целые томы. Здесь я могу указать только на некоторые наиболее характерные особенности.

Однажды нам пришлось присутствовать при переезде новобрачных в свое новое жилище, внутреннее убранство которого я опишу в нескольких словах.

Это была ветхая, дырявая унаследованная от дедов и прадедов палатка, обтянутая звериными шкурами. Она достигала внизу — в наиболее широкой части — $2\frac{1}{2}$ метров ширины. В отсутствии хозяев мне удалось переписать инвентарь хижины. Хозяйство но-

вобрачных состояло из коптящей лампы, американского топора, осколка зеркала, пустой

бутылки, зажигательной дрели, гребня, несовершенных и испорченных охотничьих принадлежностей и нескольких пустых банок из под кон-

сервов, принесенных с «Веги» и употреблявшихся очевидно для варки пищи.

Подвенечный наряд невесты был весьма изыскан. Главным украшением являлись бусы и всякие подвески, отчасти болтающиеся на шее и

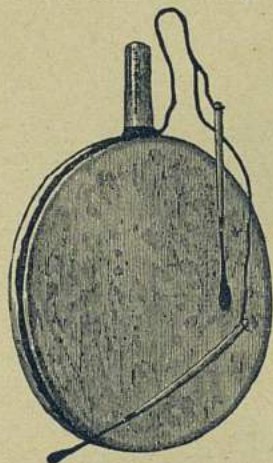
в ушах, отчасти же нашитые на головной убор и вплетенные в волосы. Самое платье

Чукотская красавица.

из оленьего меха было богато расшито хвостами сурков и белок. Кроме бус молодая была увешена амулетами, деревяшками, костяными пуговицами и металлическими бляхами.

В состав инвентаря молодых входил еще шаманский бубен. Как у других европейских, азиатских и американских полярных наро-

Шаманский бубен.

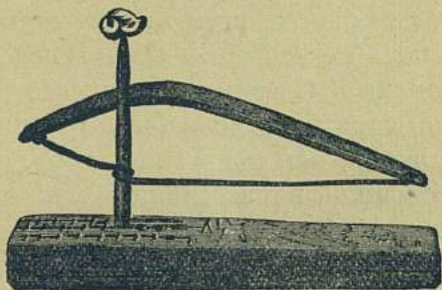
дов — лапландцев, самоедов, тунгузов и эскимосов — так и в жизни чукчей этот инструмент играет большую роль. Бубен сделан из тюленьего желудка, натянутого на тонкий деревянный обруч, било же — из китового уса. В бубен бьют почти исключительно мужчины, сопровождая это действие однообразным подвыванием. Из каких то суе-

верных мотивов туземцы отказываются показывать это свое искусство в присутствии европейцев.

Впрочем, шаманский бубен употребляется здесь еще и для других целей, как мне это удалось установить. Когда дамы этих диких стран принимаются расчесывать свои длинные, черные волосы, то проделывают это над бубном. На его поверхности собираются многочисленные мелкие создания, вырванные

гребнем из родной чащи... Здесь их собирают, дают и — с'едают! По мнению чукчей это не только вкусно, но и полезно.

Утварь новобрачной дополняли орудия для добывания огня. Чукчи добывают огонь либо с помощью кремня, огнива и трута, либо посредством допотопной огневой дрели. Огнивом служит обычно наконечник стрелы или специально для этой цели выкованный кусок

Огневая дрель.

железа. Форма многих из этих орудий изобличает их европейское или русско-сибирское происхождение. Мне, впрочем, удалось добыть несколько плохо выкованных образцов местного кузнечного искусства. В качестве кремня употребляются куски агата или халцедона; трутом служат волосы различных животных. Кремень и огниво туземцы носят в кожанном кисете на шее. Там находится и трут, постоянно согреваемый теплотой тела.

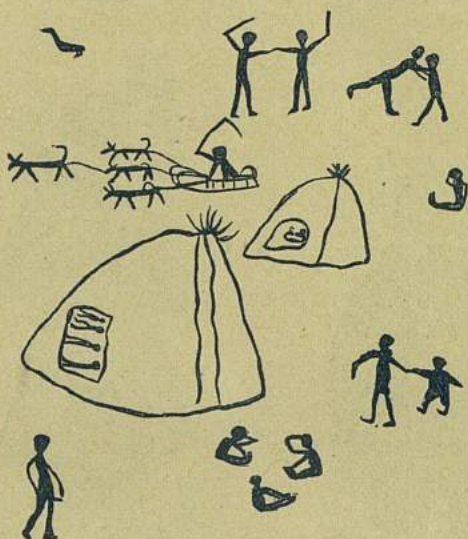
Огневая дрель это деревянная палочка, которую вертят с помощью смычка на сухом

полусгнившем кусочке дерева, на котором сделаны зарубки, направляющие дрель. Верхний конец дрели вставлен в гнездо, продырявленное в небольшом кусочке дерева или кости. При добывании огня, нижний конец дрели смазывают ворванью, обматывают вокруг нее тетиву смычка, затем прижимают деревяшку к земле ногами, левой рукой крепко нажимают сверху дрель, а правой посредством смычка вращают ее не особенно быстро, но равномерно в течение нескольких минут, пока не вспыхнут образующиеся при этом опилки. Очевидно сложность добывания огня таким способом была причиной того, что чукчи, как и другие дикари, чрезвычайно оценили наши спички, как одно из немногих действительно важных изобретений цивилизованных народов. За одну коробку спичек нам охотно отдавали очень ценные предметы.

Искусство также не чуждо чукчам. Они танцуют и поют, под аккомпанимент примитивных инструментов, особенно во время периода убоя оленей, когда призрак голода на время отступает. Нам удалось собрать много образцов изобразительного искусства: грубую резьбу по слоновой кости и очень интересные рисунки, изобличающие в этих дикарях большую наблюдательность.

О физической чистоте чукчи не очень заботятся. Так как получать воду растапливая снег на ворванной лампе очень трудно и

РИСУНКИ ЧУКЧЕЙ

Домашняя жизнь.

Охота.

дорого, то об умывании зимою нет и речи. Впрочем, лица они постоянно натирают снегом, благодаря чему кожа сдирается и лица покрываются гноящимися пузырями.

Чукотские дети.

О чистоплотности чукчей можно судить по их способу «ухода» за детьми.

Только когда ребенку исполняется несколько лет, он получает платье, такое же как и у взрослых. До тех же пор пока дети малы, их зашивают в меховой футляр, в котором только сзади имеется четырехугольное отверстие. Через это отверстие вкладывают и сменяют мох, долженствующий впи-

тивать экскременты. Этот футляр снимается только тогда, когда ребенок из него вырастет и он должен быть заменен новым.

Детей своих чукчи не наказывают и не бранят, и, тем не менее, это самые послушные и кроткие дети, каких я видал; вероятно они по природе менее шаловливы, чем хорошо воспитанные европейские дети. Однако, те же игры вызывают их интерес, играют они теми же игрушками: куклами, луками и т. п. Раздобыв какое нибудь лакомство, родители непременно дают каждому ребенку свою часть, причем никогда не возникает споров о величине порции; кусочек сахара, данный одному ребенку в целой толпе, обязательно обойдет всех, переходя изо рта в рот.

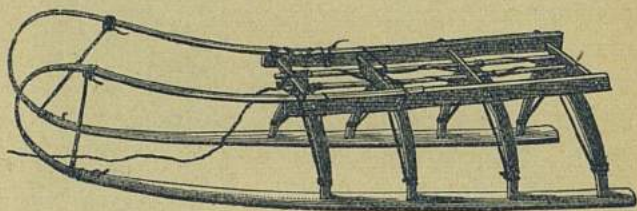

Кукла.

Передвигаются чукчи на санях, запряженных собаками. Низкое, очень неудобное сидение саней бывает большей частью обито медвежьей шкурой. Чтобы облегчить работу собакам, полозья саней перед поездкой поливают водой, пока они не покроются корочкой льда в несколько миллиметров толщиной.

Число собак, запрягаемых в одни сани, весьма различно. Я видал чукотские сани,

влекомые двумя маленькими отощавшими собаками, но видал и грузовые сани, запряженные 28-ью собаками. Нередко собак впрягают попарно на общую веревку. Правят чукчи не возжами, а посредством непрерывного покрикивания, а также с помощью длинного бича. Кроме того, на всяких хорошо снаряженных санях имеется короткая, толстая, обитая железом палка, снабженная на конце множеством железных колец. Когда

Чукотские сани.

окрики и бич не помогают, то этой палкой швыряют в непослушную собаку. Палка настолько тяжела, что при метком ударе убивает собаку на месте. Животные это знают и потому не доводят дело до того, чтобы хозяин пустил в ход это оружие. Уже позвякивания железными кольцами достаточно, чтобы напугать собак до полу-смерти.

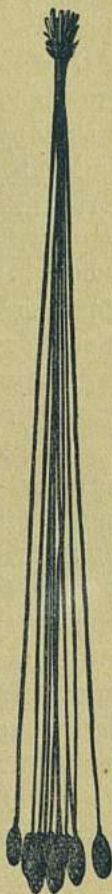
На замерзших острых глыбах снега собаки часто ранят себе лапы; в этих случаях на них надеваются особые собачьи башмаки, похожие на рукавицы.

Длинноногие, мохнатые, напоминающие волков собаки с незапамятных времен упо-

требляются исключительно для упряжки; народ не знающий что такое воровство, не нуждается в сторожевой службе собак. Поэтому чукотские собаки совершенно разучились лаять. Мы, европейцы, свободно входили в палатки туземцев, и ни одна из бегающих вокруг собак не считала нужным известить своих спящих хозяев о нашем приходе хотя бы ворчанием. Собаки так же миролюбивы и грязны, как и их хозяева. В Европе собаки — друзья своих хозяев и взаимные враги; здесь они — взаимные друзья и рабы своих хозяев.

Когда чукчи охотятся на тюленей, то собакам предстоит задача доставить домой добычу. К голове убитого животного привязывают веревку, за которую собаки и тащут добычу по льдам и снегам. Если убито несколько тюленей, то их привязывают друг к другу, а за последним тащится длинный шест, который охотники употребляют для расстановки тюленьих сетей.

Обыкновенно сети раскидываются между глыбами донного льда: тюлень запутывается в них и задыхается, не имея возможности выбраться наверх и глотнуть воздуха. Иногда тюленей подстерегают у полыней и когда

Праща.

животное выглядит, убивают его гарпуном. Чтобы избежать потери лакомой тюленьей крови, предпочитают убивать животное ударом по голове.

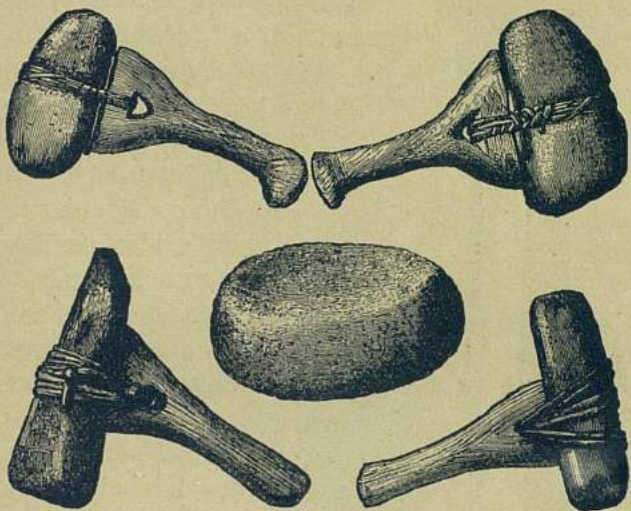
На медведя охотятся с ножом, который, по мнению чукчей, является самым надежным оружием.

Птиц чукчи ловят в силки, либо убивают стрелами или пращами. Эти пращи состоят из пучка ремней, снабженных с свободного конца костяными шариками. Когда пращу бросают, эти шарики разлетаются во все стороны, точно заряд дроби. Летом каждый мужчина и каждый мальчик носит с собою такую пращу.

После удачной охоты чукчи роскошествуют, совершенно не думая о голодных днях. При изготовлении пищи им, повидимому, доставляет особенное удовольствие как можно больше перепачкать лицо и руки кровью. Рыбу чукчи едят сырою, иногда настолько промерзшею, что она ломается в руках. Но поскольку является возможность, чукчи не прочь сварить свою похлебку на ворванной лампе, либо поджарить над ней мясо. В данном случае, впрочем, слово «жарить» значит в сущности «покрыть копотью».

Туземцы не знают других вилок кроме пальцев; даже ложки употребляются не везде. Суп пьют в круговую из чашки или высасывают из общей миски через трубчатые кости. Для измельчания костей служат ка-

менные молотки, имеющиеся в каждой кухне; они совершенно неотличимы от орудий каменного века. Вначале я думал, что похлебку из толченных костей, крови и воды варят для собак, но впоследствии узнал, что это одно из блюд чукотского меню.

Каменные молотки для измельчания костей.

После еды, как и у нас в Европе, берутся за трубочку. Употребление курительного и жевательного табаку общепринято; у каждого чукчи имеется при себе трубка и кисет. Нередко табак сперва пожуют, потом высушат за ухом, и затем спрячут в кисет, чтобы позже выкурить. Дым чукчи глотают — другого способа курения я не видел. Дети и женщины также жуют и курят

табак. Я видел курящих грудных младенцев, правда, уже умеющих ходить, но все еще сосавших грудь матери.

Однажды наш рыбак Джонсон пришел с охоты очень взволнованный и рассказал, что

Трубка и кисет.

бродя по тундре наткнулся на убитого человека. В доказательство того, что он действительно видел убитого, он захватил с собою кое-какие предметы, лежавшие около несчастного, в том числе несколько ценных копий, украшенных инкрустацией из золота. К счастью, ему удалось незаметно добраться с этими вещами до «Веги».

Я ни на минуту не разделял волнения Джонсона. Судя по описанию покойника и того места, где он был найден, я тотчас же понял, что здесь нет никакого убийства, а что Джонсон просто наткнулся на свежую могилу.

Доктор Альмквист по моей просьбе разыскал могилу и подтвердил мое предположение.

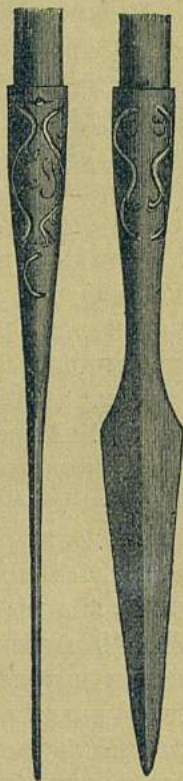
Так как волки, лисицы и вороны начали растаскивать труп, то доктор решил, что и ему можно стащить кое-что и принес с собою тщательно завернутый и спрятанный под охотничьими принадлежностями круглый предмет — голову покойного. Мы спустили голову недели на три в прорубь, чтобы донные рачки отчистили и отпрепарировали череп. Затем мы его вытащили и приобщили к нашим коллекциям.

К счастью, чукчи за время нашего пребывания в их стране не заметили расхищения могилы. Похищение головы трупа можно было бы еще приписать волкам, но как объяснить исчезновение копий? Чукчам пришлось бы допустить, что в их местности появился волк, интересующийся даже копьями!

РОЖДЕСТВО ВО ЛЬДАХ

Вот и Рождество, Рождество в ледянных оковах!

Восемь часов утра. Вахтенный вернулся с дежурства в ледяном доме метеорологической станции совершенно замерзший: ночью температура в доме опустилась до — 16°. Он

Копья с инкрустацией из золота.

сообщил нам хорошие сведения о состоянии погоды: «Всего только 30⁰ мороза и, против обыкновения, нет ветра!»

Позавтракали. Закурили сигары, матросы — трубки; обитатели кают-компаний вышли на палубу, чтобы поразмяться и отдышаться от каютной духоты.

Мы всматриваемся в безрадостный, слабоосвещенный ландшафт. Насколько хватает глаз — только снег и лед, бесконечная равнина, на которой лишь кое-где возвышаются цепи белых холмов и торосов. Несколько ворон вяло хлопают крыльями и каркают, ища пищи.

«Мечинко Келльман! Мечинко Норденшельд! Мечинко Орпист!» доносится до нас с маленьких санок, под'езжающих к «Веге». Это — утреннее приветствие чукчей. «Орпист» должно означать «Нордквист». В виду сравнительно хорошей погоды, сегодня чукчей явилось более обыкновенного: человек 30—40 мужчин, женщин, грудных младенцев и патриархальных старцев. Остромордые, похожие на волков собаки с грязной лохматой шерстью, везшие сани, улеглись, прижавшись друг к другу, на снегу.

За приветствием, как и всегда, следуют жалобные слова:

«Куинча моури каука», т. е. «я так голоден, у меня нет пищи, дайте хлеба!»

Бедняги терпят острую нужду. При всем желании они не могут в это время года до-

быть своей главной пищи — тюленьего мяса. Единственное, что им остается — это треска. Но в этом ледяном полярном поясе рыбная пища, бедная жиром, так мало греет. За последнее время туземцы, действительно, страшно истощились и исхудали.

Сегодня повар особенно добр к ним. Они не понимают, почему именно сегодня им достается такая праздничная трапеза: они, ведь, не знают, что такое Рождество.

Скоро наши чукотские друзья окружают нас и начинается обычный торг. Они привезли для продажи различные предметы, которые, как им известно, представляют для нас ценность: оружие, украшения, китовый ус, игрушки, водоросли. За все это они требуют только хлеба. Сегодня привезли также много китовых костей, т. к. вчера мы выразили желание получить ребра и шейные позвонки морского чудовища. Скоро мы сторговались.

Когда меновая торговля окончилась, офицеры принимаются за свою работу. Сделанные накануне метеорологические и магнитические наблюдения подвергаются обработке и заносятся в книги. Пересматриваются естественно-исторические коллекции; кто читает, кто составляет записки о нашем путешествии. Иногда работа прерывается оживленной беседой, смехом, шуткой.

В машинном отделении стучат молотки и визжит напильник. В довольно теплом, но

скудно освещенном междупалубном пространстве часть команды занялась разными работами; на кухне у повара сегодня работы не оберешься, так как вечером состоится рождественское пиршество! Повар, как всегда, весел, но сегодня он ворчит себе в бороду насчет попрошаек-чукчей. Его бесит, что они не дают ему покою своими просьбами об «акмимиль», т. е. водке!

В 12 часов палуба пустеет: офицеры, окончив работу, прогуливаются, а команда обедает.

Вся масса чукчей столпилась теперь у входа на палубу. Из кухни одна за другой передаются туда чашки с супом и вмиг проглатываются теми, кому посчастливилось схватить одну из них в общей сутолоке. Хлеб, куски мяса, кусочки сахара разбираются и поглощаются мгновенно. Вот является и сам повар с котлом супа. Как звери накидываются на него туземцы, черпая суп руками и консервными жестянками. Несмотря на невероятный холод, то та, то другая чукотка обнажает руку и даже половину груди, чтобы ей не мешали длинные рукава, в случае, если ей удастся добраться до супа. Зрелище далеко не привлекательное. Мы даем щедрою рукою, ибо Рождество — праздник любви.

Вечер. Приятный аромат, распространяемый рождественским пряником, который печет на кухне повар, проникает и в то помещение, где усердно готовят елку. По

просьбе доктора Кьелльмана кое-кто из наших чукотских друзей привез целые сани ветвей ивы из долин, находящихся по ту сторону южной горы. Посредством этих ветвей голый ствол, найденный на берегу, превращается в пышное дерево; его убирают пестрыми бумажными украшениями.

Очищенная насколько возможно от разных вещей, средняя палуба превращается в зал для празднества; его украшают флагами и оружием; в центре возвышается елка, ветви которой гнутся от восковых свечей и подарков. Столы завалены различными мелкими подарками, в свое время переданными нам покровителями экспедиции с просьбой раздать их на Рождество.

По случаю праздника дежурство в «Ледяном доме» отменено, и таким образом в 6 часов все офицеры и команда могут собраться в зале. Сияющее свечами дерево, пышное убранство зала, прекрасный пунш и мастерски приготовленные поваром пряники — все это создает веселое и праздничное настроение. Последнее еще более повышается, когда приступают к розыгрышу подарков. В одном углу начинаются танцы: матросы лихо отплясывают польку под музыку оркестра, состоящего из детской дудки, губной гармоники и барабана...

Уже несколько дней тому назад зарезали двух свиней, которых мы везли с собой из Швеции. Животные хорошо откормлены и

повар доволен. Кулинарные приготовления занимали его время с утра до ночи. Ну и наготовил же он лакомств! Нашлось также вино и пиво, раздались тосты в честь короля, покровителей экспедиции, всех кто содействовал успеху праздника и — в честь родины!

ОТ НАДЕЖДЫ К ОТЧАЯНИЮ

Новый 1879 год встречен был робкой надеждой на наше скорое освобождение. Дело в том, что ветры, с конца декабря дувшие все время с севера, постепенно переменили направление, и во льду кое где показались открытые полыньи. Чукчи уверяли нас, что льды скоро двинутся и что «Вега» сможет продолжать свое путешествие. Словами и знаками они давали нам понять, что им было бы приятнее, если бы это пророчество не исполнилось, так как в случае отъезда «Веги» они будут горько плакать — что было бы вполне понятно, принимая во внимание наше хорошее к ним отношение и помощь, которую они получали на корабле.

Чукотские предсказания погоды, повидимому, основывались на опыте прежних лет, так как 6-го февраля действительно поднялся южный ветер, холода мгновенно прекратились, температура за несколько часов поднялась выше нуля! Вдоль ледяной пустыни обозначился водяной горизонт, а с при-

брежных холмов можно было видеть огромные полыньи. В нескольких километрах далее к востоку очистился ото льда даже и берег, и нашим морякам казалось, что с холмов они различают в голубой полосе воды даже сильное течение! Чукчи уверяли, что эти открытые ледяные пространства непосредственно соединяются с Беринговым проливом. Однако, мы не решались полагаться на уверения чукчей, так как уже несколько раз преждевременно награждали их пророчества щедрыми подарками.

Между местом стоянки «Веги» и сушей тоже образовались трещины, через которые волны выхлестывались на снег. При наших ежедневных прогулках на берег нередко случалось промочить ноги.

Нашим соседям-чукчам удалось поймать медведя и 70 тюленей. Они хвастливо развесили куски сала на наружных стенах своих палаток и наполнили до краев свои погреба. Теперь они жили беззаботно, как будто этих запасов могло хватить навек. Немудреные угощения на «Веге» больше не удостоивались их внимания. Они гордо отворачивались от того, из за чего день тому назад готовы были яростно сражаться. Теперь они были в тысячу раз богаче нас! Попрошайничество прекратилось; истощенные голодом дети на наших глазах стали поправляться.

Но случилось нечто невероятное. За одну ночь погибла надежда на близость весны:

надвинулись ужасные холода, температура упала ниже точки замерзания ртути, так что пришлось пустить в ход спиртовые термометры. Море снова оледенело. Холодные северные бури нагромождали вокруг «Веги» все более и более высокие торосы и горы снега. Все надежды на скорое освобождение от об'ятий зимы погибли.

После бодрящих праздничных дней и радостных надежд, возбужденных теплою погодою, на борту воцарилось уныние и не свойственное нам ощущение скуки. Тогда я решил устроить для команды несколько популярных лекций. Это внесло приятное разнообразие в монотонность арктической зимовки; история открытия Берингова пролива и вообще рассказы о путешествиях очень интересовали слушателей, и лекторы имели всегда внимательную, напряженно слушавшую аудиторию.

Кой-какие сведения из этих лекций, касающиеся русских исследователей побережья Северного Ледовитого океана, быть может, окажутся не лишними и здесь.

Даже относительно Европейской России, не говоря уже об Азиатской, в Западной Европе до XVI века почти ничего достоверного не знали.

Впервые европейцы почерпнули хотя сколько нибудь правильные представления о «Московии» из знаменитого сочинения барона Сигизмунда Герберштейна, вышедшего в Вене в 1549 году.

Тот же барон сообщил и о первом морском плавании русских, совершенном в 1496 году неким Григорием Истомой из Белого моря в Дронтхейм, причем подробности этого путешествия приводятся Герберштейном со слов самого Истома.

Между тем, у самих русских почти нигде не сохранилось записей, позволяющих, хоть какнибудь, восстановить картину этих первых путешествий. Поэтому, когда в XVI веке голландцы и англичане начали предпринимать плаванья в Северные моря, к берегам России, они приписали себе открытия, уже задолго до них сделанные русскими. Так, например, острова Новой Земли и Вайгач, будто бы открытые в 1556 году Стефеном Бурру (Burrough), задолго до него были очень хорошо известны русским поморам, ежегодно предпринимавшим туда рыболовные поездки; но кто именно, как и когда открыл Новую Землю — покрыто мраком неизвестности.

В том же XVI веке началось постепенное завоевание Сибири казаком Ермаком Тимофеевым, приведшее в течение следующих ста лет не только к огромному территориальному увеличению Московской державы, но и к ознакомлению с доселе неведомой областью северной Азии.

Героями-исследователями были безвестные промышленники-охотники и казаки, многие из которых заслуживали-бы особо почетного места в истории географических открытий,

т. к. работали в эпоху и при обстоятельствах, превращавших их деятельность в сплошной геройский подвиг.

Из таких, забытых наукою, путешественников надлежит запомнить имя Семена Иванова, сына Дежнева, после целого ряда попыток доплывшего в 1653 году в самодельной ладье до крайнего восточного пункта Азии, мыса Осткапа, по справедливости переименованного мною в мыс Дежнева.

Далее, в самом конце XVII века (1697), «пятидесятник Володимир Атласов и казак Лука Семенов сын Морозко» открыли Камчатку, которая и была завоевана в начале XVIII века.

Таким образом можно сказать, что с XVII века в России имели уже довольно точные сведения о всей Северной Сибири, до ее крайней восточной оконечности. Неясным, однако, оставался вопрос, связана-ли Азия с Америкой сушей, или, наоборот, разделена водою?

Для разрешения этого вопроса, а также и для научного изучения Сибири со всех точек зрения, Петр Великий снарядил «Великую Северную Экспедицию», задуманную им в огромном масштабе.

Она приступила к выполнению своей задачи уже по смерти Петра, в 1728 году, и работала в течение ряда лет, разбившись на несколько экспедиций.

Во главе первой из них, направившейся к Камчатке, стоял датчанин Беринг (1740 г.),

окрестивший своим именем пролив, отделяющий Азию от Америки.

Результаты, добытые «Великой Северной Экспедицией» с 1728 по 1740 год, то есть за 12 лет работы, поистине громадны. Сибирь была разносторонне изучена, определена и занесена на карту ее береговая линия с севера и востока, изучен северо-западный берег Америки, открыты Алеутские острова.

Дальнейшие путешествия продолжали разрабатывать и углублять вопросы, ею уже намеченные и затронутые.

В то же время архангелогородские поморы не переставали высылать экспедицию за экспедицией, частью снаряжаемые на частные средства, для изучения Новой Земли и Карского моря.

Так, в 1760 году олонецкий уроженец, Савва Ложкин, снова отправился на восточный берег Новой Земли за рыбой и другими местными богатствами (думали, что там много металлов). Он проездил 3 лета и 2 зимы и действительно об'ехал всю Новую Землю кругом, установив, что это остров, в чем до него многие географы XVIII столетия сомневались.

Из последующих русских исследователей Ледовитого океана первое место принадлежит бесспорно Пахтусову.*

* Эти замечательные путешествия описаны со слов одного из участников, и впервые это описание помещено в *Bulletin scientifique publié par l'Académie Impériale des sciences de St. Petersbourg*. L. II, NN 9, 10, 11. 1837. См. также «Новая Земля» издание М. К. Сидорова СПб. 1866.

Его трехлетнее плавание (1832—1835) — самые замечательные и славные страницы в истории русских исследований полярных областей.

Экспедицию Пахтусова снарядили в Архангельске купец Брандт и лесничий Клоков.

Им хотелось установить путь к Енисею, изучить и занести на карту восточный берег Новой Земли и выяснить тамошние условия моржевого промысла.

Они снарядили три небольших судна всего с 20 людьми.

В первый раз Пахтусову пришлось зазимовать на Новой Земле, причем он проявил огромную находчивость, предусмотрительность и разумную заботливость, давшие наилучшие результаты.

Для зимовья он приспособил старую избу, построенную, как свидетельствовала надпись, еще в 1759 году. К ней пристроили баню, соединявшуюся с домом переходом, сложенным из пустых боченков и покрытым парусами. Там было так тепло, что можно было, скинувши верхнюю одежду, оставаться в одних рубахах.

Пахтусов совершенно не допускал среди своей команды безделья и нечистоплотности: все часы были строго распределены, и начальник сам следил за регулярными омовеньями и сменой белья. Благодаря такому режиму, команда отличалась замечательным здоровьем и только весною два человека заболели цынгой и погибли от нее.

Летом Пахтусов продвинулся вдоль восточных берегов Новой Земли на север, и нашел там прекрасную бухту и остатки избы с надписью у входа, которую он приписал Савве Ложкину.

Пахтусов об'ехал весь южный остров Новой Земли и вернулся в Архангельск, ибо все взятые им жизненные припасы к этому времени исчерпались.

Из трех судов, составлявших флотилию Пахтусова, самое маленькое, «Ладья», вернулось с богатой добычей, а шхуна «Енисей» пропала бесследно с 9-ю моряками.

На поиски пропавших Пахтусов отправился во вторую свою экспедицию на двух судах. Зиму 1834—35 они провели на южном берегу Маточкина-Шара, в нарочито выстроенном доме.

Весною сделали картографические с'емки Маточкина-Шара и части восточного побережья северного острова; но об'ехать весь остров не удалось, и в сентябре 35 года Пахтусов снова вернулся в Архангельск.

Здесь Пахтусов заболел нервной горячкой и умер 19/7 ноября 1835 года.

Это было огромной потерей, ибо, как уже сказано, по преданности своей делу, по мужеству и выдержке он занимает одно из самых выдающихся мест среди полярных исследователей всех стран. Кроме того, лишь очень немногие из арктических экспедиций дали столько астрономических определений,

геодезических измерений, метеорологических наблюдений и сведений относительно приливов и отливов, как Пахтусовская экспедиция.

Следующее значительное северное путешествие было совершено в 1862 году Павлом Крузенштерном младшим, на двух судах, снаряженных неутомимым искателем северного морского пути между Европой и Азией архангельским купцом Михаилом Константиновичем Сидоровым.

«Ермак» и «Эмбрион» вышли в августе из устья Печоры, но уже через месяц оказались затертыми льдами в Карском море. Экипаж покинул судно, сняв с него самые необходимые припасы, снаряжение и лодку, и решил по льду попытаться дойти до суши! Вскоре, однако, лодку пришлось бросить, как слишком затруднявшую передвижение. Вместо нее приходилось пользоваться пловучими льдинами, отпихиваясь баграми. Часто, ища спасения от надвигающейся гибели, приходилось перепрыгивать с одной льдины на другую. Только через девять дней удалось им, наконец, добраться до твердой земли!

Недалеко оказалось самоедское зимовье, где потерпевшим крушение был оказан радужный прием... Даже слишком радужный по словам Крузенштерна, который страдал от необходимости шесть раз на дню пить чай и каждый раз по 6 чашек.

Неудачное и полное приключений путешествие Крузенштерна — одно из многих

доказательств того, что полярный путешественник прежде всего должен опасаться быть затертым льдами. Эту идею нам, принявшим далекое плавание по арктическим морям, надлежало хорошенько усвоить, дабы ни в каком случае не повторять горестной ошибки одного из наиболее сильных наших предшественников.

Отчет о путешествии Крузенштерна — первое полное описание поездки, с запада на восток, через Карское море. Никто тогда еще не предвидел, что через какойнибудь десяток лет целый ряд судов смело пустится по этому же пути!

20-го февраля перед «Вегой» появились трое больших, нагруженных товарами саней. Они приехали с востока и направлялись на одну из ярмарок внутренней Сибири. Я тотчас же попытался переправить с этими туземцами почту на родину. Так как денег они не брали, то в награду за услугу я дал им — сверх обильного угощения на борту «Веги» — три бутылки рома. За это они обязались исполнить поручение и на обратном пути, в мае, посетить нас.

Свое слово они сдержали. 8-го мая они опять расположились в единственной гостинице азиатского полярного побережья — на «Веге». С большим оживлением они сообщили нам, что с ближайшей почтой придут

важные письма для нас. Как описать наше ликование! Только тот, кому приходилось много месяцев ждать новостей с родины, поймет нашу радость!

Горя нетерпением узнать подробности, мы стали расспрашивать, как велик этот почтовый пакет.

«Очень велик!» отвечали они, справедливо думая, что соответственно этому увеличится и стакан рома.

Но когда почта пришла, то оказалось, что речь шла только о коротеньком письмеце русского чиновника из местечка, где была ярмарка. Он уведомлял нас, что письма отправлены им с нарочным в Якутск.

А мы то так надеялись получить письма с родины! Опять разочарование! Бесконечная цепь надежд и разочарований!

Мы размечтались о весне, а 22-го февраля ударил мороз в 40° и поднялась снежная буря.

В подобную бурю выходить на воздух опасно даже для чукотских собак, в чем мы вскоре убедились. К нам на борт явился полузамерзший чукча, который нес убитого зайца и тащил за задние ноги совершенно окоченевшую собаку. Оказалось, что он заблудился на льду вместе с собакой и провел ночь в сугробе. Сам он был в сравнительно хорошем состоянии — хлеб и ром быстро подбодрили его — но собака не проявляла никаких признаков жизни. Мы заботливо ухаживали за обоими, взяли их даже в межпалубное по-

мещение, куда обычно чукчей и их собак не пускали. Чукчу накормили и в первый раз в жизни он выпался под деревянной непрокопченной крышей. Собаку несколько часов усердно растирали снегом и вот, к немалому удивлению ее хозяина, случилось чудо: пес начал дышать и встал.

В начале марта нам пришлось побывать на одном отдаленном острове и там наблюдать картину товарообмена между американскими и сибирскими пушниками. Много интересного довелось нам здесь увидеть, между прочим чрезвычайно любопытную сцену между русским священником, пытавшимся на этом торжище улавлять души, и одним молодым чукчей из числа наших знакомых. Последний согласился за несколько фунтов табаку принять крещение. Церемония происходила в присутствии многочисленных зрителей. Новообращенный спокойно стоял на своем месте, пока не приготовили купели — огромного корыта, наполненного водой. В этой купели чукче надлежало, по православному обряду, трижды окунуться, но на это он ни под каким видом не соглашался. Он упрямо качал головою и приводил массу доводов, объясняющих его отказ, которых мы, к сожалению, не поняли. Однако, после долгих переговоров при помощи переводчика, причем в числе аргументов видную роль играл табак, чукча, наконец, решительно прыгнул в ледяную воду. Дрожа от холода

и стуча зубами, он через секунду выскочил из воды, с криком:

«Мой табак! мой табак!»

Все попытки заставить его повторить купание были тщетны. Торжество крестин было прервано. Он получил одну треть обещанного количества табаку и остался окрещенным только на одну треть.

Все разговоры на «Веге» вращались, разумеется, около погоды и ее перемен к лучшему, видов на окончание упорных северных ветров и надежды на скорое освобождение из белых тисков. Нередко разгорался спор между различными лагерями предсказателей погоды. Пессимисты и оптимисты шутя держали пари и последние одержали блестящую победу, когда 8-го февраля к полудню температура поднялась выше нуля!

Однако, после этого успеха дела их вскоре опять испортились. Северный ветер, буран и стужа продолжали соединенными силами действовать против нас. 14-го марта на обшивке «Веги» повисли было сосульки, но и эти вестники весны, встреченные общей радостью, оказались тоже обманчивыми.

Сильные холода продержались не только весь апрель, но даже и май, который мы пережили при температуре в —36°! И все-таки мы не переставали верить в свое скорое освобождение!

Торосъ около »Веги«.

Ледяной домъ.

Чукчи за рыбной ловлей.

НАКОНЕЦ СВОБОДНЫ!

13-го июня наступила, наконец, решительная перемена погоды; термометр теперь только в виде исключения спускался ниже нуля. Снег стал таять и убывать; южный ветер взялся за работу и к концу месяца снежный покров расползся.

Еще раньше чем почва очистилась от снега и наступила оттепель, явились перелетные птицы, в том числе снежный воробей, затем большие стаи гусей, уток, чаек и всевозможных болотных и певчих птиц.

Они опускались на единственный темный предмет этой местности — на палубу «Веги»! На снастях корабля кишела жизнь! Многие из маленьких певцов были, очевидно, измучены перелетом, и прежде всего принимались искать местечка, где бы можно было выспаться. В такелаже нашего корабля нашлось много укромных уголков. Нужно ли упоминать, что наши пернатые гости пользовались всеобщим покровительством.

Началась охота, — желанное развлечение среди нашей однообразной жизни.

Охотничья добыча теперь была для нас очень кстати, внося значительную и желательную перемену в наше консервное меню. Чукчи ежедневно доставляли нам различных птиц и покачивали головами, видя, что мы нередко платим бóльшие цены за совсем не с'едобных птиц, чем за огромных, жирных

гусей. Птицы эти убивались либо пращей, либо стрелами, а также ловились силками, расставленными на побережьях между валяющимися там китовыми позвонками.

В июне на нашем столе появились яйца чаек, уток, гусей и других птиц.

В конце мая, в некотором отдалении от «Веги» образовались во льду две трещины, шириною в несколько саженей. Я послал туда людей, чтобы спустить глубоководную драгу. Они вернулись с обильной добычей. К сожалению, 2-го июня трещины опять сомкнулись и по краям их нагромодились новые торосы. Самое крепкое судно было бы раздавлено при внезапном смыкании такой трещины!

Вокруг «Веги» снег лежал еще так же плотно, как и в октябре. Чукчи твердили нам каждый день, что не позже чем послезавтра льды двинутся, но, кажется, сами плохо верили в свое пророчество. Это видно было из того, что масса саней, запряженных собаками и оленями, сновали туда и сюда по льду, нередко приезжая из дальних мест.

19-го июня масса проезжавших мимо чукчей по обыкновению посетила наш корабль, отчасти, чтобы воспользоваться нашим угощением, отчасти-же — чтобы удовлетворить свое любопытство и поболтать о событиях последних дней. Один из гостей — человек средних лет, с довольно приятными чертами лица — с гордостью отрекомендовался нам

князьком Ноак Елисеем. После печального опыта с его коллегой — Василием Менкой — мы приняли его, несмотря на его важный вид, наравне с другими чукчами. Однако, наше обращение с высокопоставленным гостем сразу изменилось, когда один из наших постоянных гостей, знавший наши слабости, сказал, что Ноак Елисей имеет для нас большое, очень большое письмо!

Елисей привез нам почту, почту из Европы!

Конечно, он сразу сделался для нас важной особой; мы наперерыв угощали его и не знали, как ублажить. Наконец, он достал из за пазухи связку дощечек, служивших почтовой сумкой. Мы опять были глубоко разочарованы: это было письмо какого то сибирского чиновника о том, что Елисей посылается «в наше распоряжение», на случай, если мы будем нуждаться в его услугах.

«Услуги» Елисея первоначально выразились в том, что он беспрерывно потирал себе руками живот, давая этим понять, что еще не наелся, и затем указывал пальцем на глотку, намекая, что стакан рому был бы тоже очень кстати. Однако, мы подружились с ним, когда Елисей об'явил, что за сахар, чай и табак готов уступить нам трех оленей. За это мы наградили подарками его, его двух жен и дюжину детей, путешествовавших вместе с ним.

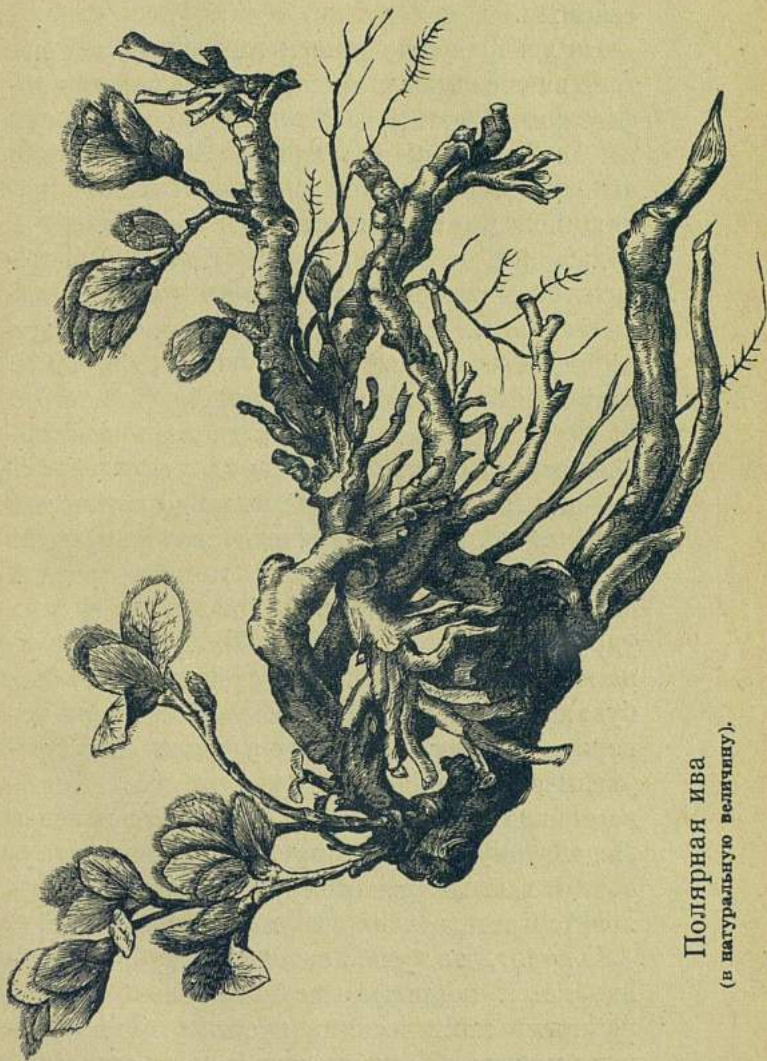
На льду теперь было столько воды, что попасть на берег становилось все труднее. Не-

редко, отправляясь в экскурсию, мы около самого корабля попадали в холодную ванну. А между тем экскурсии именно теперь стали особенно интересны для наших ботаников и зоологов.

Как только стаял снег, тучи птиц начали гнездиться на берегу. Черный воробей облюбовал себе небольшие холмы и строил там хорошенькие гнезда с крышечкой. Болотные птицы клали свои яйца прямо в мокрый мох. Утки и гуси выбирали для этого маленькие островки в море.

Однажды чукчи сообщили нам, сияя от радости, что в одной лагуне, совершенно отделенной от моря, в которой вода зимою промерзла до дна, ловится масса вкусной черной рыбы. 8-го июля мы сделали туда экскурсию в сопровождении наших друзей-чукчей. Мы взяли с «Веги» огромный невод и закинули его в лагуну. Несколько туземцев влезли в ледяную воду и стали тащить невод к берегу; женщины, высоко подоткнув подола, шли по бокам, громко крича, чтобы шумом помешать рыбе уйти.

Улов был очень обильный. Мы поймали несколько сот черных, совершенно нам неизвестных рыб и доставили их на санях на «Вегу». Несколько штук попало в спирт, остальные же — на кухню. Чукчи были правы: рыбы, похожие на угрей, были очень вкусны. Как эта порода рыб ухитрилась перезимовать — это было для нас так-же за-

Полярная ива
(в натуральную величину).

гадочно, как и зимняя жизнь полярных насекомых.

По возвращении нашем на родину, эта до толе неизвестная рыба была исследована профессором Смиттом в Стокгольме и названа им *Dallia delicatissima* Smitt. Между прочим оказалось, что у этой рыбы есть родич, водящийся в озере Платтен в Венгрии и в подземных озерах в южной Европе. Замечательно, что этот европейский родич ее, называющийся «собачьей рыбой» — не только не с'едобен, но рыбаки питают к нему такое отвращение, что немедленно выбрасывают его из сетей, боясь, как бы он своим прикосновением не испортил остальную рыбу.

Когда стоял снег, мы смогли до некоторой степени получить понятие о том, как будет выглядеть летом местность, где мы провели девятимесячную зиму. Она производила удручающее впечатление. Прибрежный вал, на котором чукчи ставили свои палатки, был буквально усыпан мусором, обломками утвари и остатками рыбных уловов. Без преувеличения можно сказать, что все северо-восточное побережье Сибири, прилежащее к Ледовитому океану, окружено валом из мусора и всевозможных отбросов. Здесь не захочется остаться ни на один лишний час!

Говорят, что луга, лежащие в глубине страны, летом покрыты высокою травой и прелестными арктическими цветами, но ко времени нашего от'езда растительность еще мало

развилась. Кое где только попадалась полярная ива, — единственный представитель древесных пород в этих местах. На прилагаемом рисунке представлена такая ива в натуральную величину. Все растение состоит почти исключительно из корневища, от которого отходит только несколько веточек с листиками и соцветиями.

Наконец, наша мечта уйти из этих мест осуществилась!

18-го июля мы в обычное время сели за стол, не подозревая, что настал час нашего освобождения. Вдруг мы заметили, что корабль слегка покачивается. Паландер моментально выскочил наверх и увидел, что лед вокруг корабля пришел в движение; немедленно была пущена в ход машина, давно уже приведенная в полную исправность, и два часа спустя, 18-го июля, в 3 ч. 30 м. пополудни, украшенная флагами «Вега» двинулась под парами и парусами дальше к своей цели!

Мы могли теперь установить, что между кораблем и открытым морем образовалась значительной ширины трещина. Благодаря этому, открытый рукав, шедший вдоль берега, расширился настолько, что «Вега» получила достаточно глубокий фарватер. Чтобы обогнуть окружавшие нас ледяные поля, пришлось сперва взять курс на северо-запад, а потом уже повернуть вдоль побережья к Берингову проливу.

Когда мы проплывали мимо палаток знакомых чукчей, мужчины, женщины и дети собрались на берегу и смотрели вслед кораблю — чукчи вероятно называли его «паровой собакой», либо «паровым оленем». Проплывали ли они в действительности — как обещали — слезы, видя, как помогавшие им друзья навеки покидают их, мы установить не могли. Возможно, конечно, что дикарям действительно тяжело было расставаться с нами, потому что даже нас охватило чувство грусти... Но его скоро заглушила радость по поводу нашего освобождения.

На своем пути к Тихому Океану «Вега» не встречала больше никаких препятствий. Море было гладко, как зеркало и почти свободно ото льдов; впрочем, нам нередко случалось блуждать в тумане. Иногда, вблизи корабля внезапно появлялась из воды голова кита, казавшаяся в тумане фантастически огромной. Вокруг нас плавало множество тюленей; стаи птиц, гнездившихся вероятно на крутых островах побережья, реяли вокруг «Веги». Драга добывала со дна моря массу червей, раков и моллюсков, доставляя много интересной работы нашим зоологам.

Туман держался до утра 20-го июля 1879 г., когда перед нами появилась восточная оконечность Азии — мыс Осткап. Я изменил это имя, назвав этот мыс, по справедливости, «Мысом Дежнева», в честь храброго казака,

еще в 1649 году впервые обогнувшего эту окончечность Азии.

В 11 часов утра мы были как раз посредине пролива, отделяющего Ледовитый океан от Тихого. Флагами и салютами мы приветствовали сразу Старый и Новый свет.

Итак, наконец была достигнута та гордая цель, к которой стремились все нации с тех пор как, в 1553 году, храбрый моряк сэр Гуг Виллугби, под грохот пушек и громовое «ура» своих матросов, в присутствии ликующей толпы начал долгий ряд путешествий в поисках северо-восточного прохода. К сожалению, возлагавшиеся на его экспедицию надежды не оправдались. Сэр Виллугби и его спутники поплатились жизнью за попытку проложить английскому мореплаванию путь по покрытому льдами морю, ограничивающему с севера Европу и Азию. Множество других экспедиций искало здесь счастья, но всегда безуспешно, при чем нередко приходилось платить кораблем и здоровьем — а иногда и жизнью — за эти отважные попытки. И только теперь, 326 лет спустя, нам удалось пройти этим путем несмотря на то, что все компетентные в условиях полярного мореплавания люди об'явили наше предприятие обреченным на неудачу...

Благодаря энергии и работоспособности матросов и мудрому руководству офицеров, мы достигли этого без малейшего повреждении судна, без заболеваний и потерь и при

таких условиях, которые показывают, что подобная поездка может повторяться ежегодно.

Принимая все это во внимание, нас нельзя упрекнуть в излишней гордости за то, что мы подняли на грот-мачте сине-желтый флаг и салютом приветствовали пролив, через который Старый и Новый свет протягивают друг другу руки. С тех пор как открыт Суецкий канал, значение проложенного нами торгового пути, конечно, уменьшилось — по крайней мере в мирное время. И все же мы счастливы, что нам было суждено открыть для огромной территории Северной Сибири непосредственный морской путь и выход к Атлантическому океану. Все огромное значение этого открытия будет, вероятно, оценено только грядущими поколениями.

В ГОСТЯХ У АМЕРИКАНСКИХ ЭСКИМОСОВ

Обогнув восточную оконечность Азии, мы направили курс к заливу св. Лаврентия — довольно значительной бухте, врезающейся в сушу несколько южнее наиболее узкой части пролива. Льды, к счастью, распределились так, что «Вега» могла идти полным ходом почти до самой бухты. Правда, вдоль берега тянулись несколько полос плотного льда, но «Вега» без труда удалось пробить

их. Только при входе в самую бухту мы натолкнулись на непроходимые льды, совершенно закупоривавшие вход в гавань.

Это вынудило «Вегу» бросить якорь на открытом рейде. Но здесь мимо нашего судна двигалась на юг такая масса огромных «ледяных полей» — правда, тонких и рыхлых — и узких, длинных полос льда, что было благоразумнее не задерживаться долго на этом месте.

Я разрешил своим людям сойти на берег только на несколько часов.

На предгорьях еще лежало много снега. Доктор Штуксберг нашел на вершущке одной горы труп туземца, возле которого были разложены копья, стрелы, огниво, трубка, щит от снега, сито для льда и сломанное ружье — все предметы, которые, очевидно, могут понадобиться покойнику в чукотском царстве небесном. Труп лежал здесь, повидимому, с прошлого лета — но трубка! Это была одна из многочисленных глиняных трубок, розданных мною туземцам. Кто знает, каким путем попала она сюда за это время? Очевидно, кто то привез ее покойнику, как необходимое дополнение к его багажу для потустороннего путешествия.

Палатки туземцев здесь значительно отличаются своей конструкцией от жилищ более северных чукчей. Так как здесь мало плавающего леса, то остов палатки делается из костей кита: китовые ребра вбиваются в землю

как столбы и на них натягивается палатка из тюленьей кожи. Сверху обшивка палатки скрепляется планками из китового уса. Чтобы ветер не срывал палаток, к их полам, в виде груза, прикреплены китовые кости. В виду недостатка дров, в качестве топлива здесь употребляются китовые кости, пропитанные ворванью. Большое изогнутое китовое ребро, воткнутое над очагом, служит для подвешивания котла; китовыми лопатками закрываются входы в склады сала; выдолбленные китовые кости служат лампами; ребрами кита обшивают полозья саней. Из всего этого явствует, как умело дикари пользуются теми материалами, которые дает им природа.

Как ни велико было мое нетерпение добраться до японской телеграфной станции и послать успокоительное известие на родину — ибо я опасался, что о судьбе «Веги» начали уже беспокоиться — тем не менее, я охотно согласился бы остаться на несколько дней в этой местности, представлявшей значительный научный интерес. Однако, пронесившиеся мимо нас льдины постоянно угрожали нам катастрофой; пришлось поэтому поднять якорь, чтобы двинуться к противоположному американскому берегу, навестить живущих там эскимосов.

Переезд совершился быстро, так что уже 22-го июля мы бросили якорь в Порт Кларенсе — великолепной гавани, расположен-

ной к югу от западной оконечности Северной Америки. Это была за одиннадцать месяцев первая остановка «Веги» в настоящей гавани! Все это время ей приходилось стоять на открытом рейде, не имея ни малейшей защиты от снега, бури и льдов.

Не успели мы бросить якорь, как к нам явилась с визитом масса больших, обтянутых шкурами лодок и каяков. Последние вмещали по два человека, сидевших спиной друг к другу. Мы видели, однако, как из некоторых таких лодок, кроме двух гребцов, вылезал еще третий пассажир, лежававший, очевидно, на дне лодки, почти не имея возможности дышать или расправить члены и уж совершенно беспомощный в случае катастрофы. Такие места занимали, главным образом, дети, сопровождавшие своих родителей в этих поездках.

Когда туземцы, американские эскимосы, явились на борт, завязалась оживленная меновая торговля, и мне после долгого торга удалось приобрести несколько интересных наконечников для стрел, острог и каменных орудий. Интересуясь предметами обихода эскимосов для сравнения их с чукотскими, я тщательно исследовал содержимое нескольких сумок, принадлежавших нашим посетителям. Мое любопытство не вызвало никакого недовольства, и эскимосы спокойно разрешали мне вынимать и записывать предмет за предметом. Только один из них вы-

разил явное нежелание показать мне свои вещи. Понятно, что его упрямство только разожгло мое любопытство: мне непременно захотелось узнать, что за драгоценности хранятся у него в мешке. В конце концов, я почти насильно вытащил оттуда сокровище, которое он так ревностно охранял — заряженный револьвер! В кисете эскимоса лежали рядом револьвер и каменный топор — страничка из истории человеческой культуры, своеобразный музей оружия!

Эскимосы не понимали ни слова по чукотски, но кое-кто из мужчин говорил немного по английски; один побывал даже в Сан-Франциско, другой — в Гонолулу. Многие одеты были по европейски, но большинство носило платья из тюленьих и оленьих шкур; поверх этих «пэсков», украшенных мехом сурков, они в дождливую погоду надевали непромакаемые куртки из сшитых кишек.

Прически эскимосов похожи на чукотские. Многие мужчины носят небольшие усы, кое кто пытается отпустить американскую бородку. Большинство страшно изуродовано татуировкой и проделанными в губах дырками в 6—7 миллиметров длиною, в которые вкладываются большие куски слоновой кости, стекла или камня. Иногда эти украшения, вынимаются и тогда дырки смыкаются. У одной девушки под носом висела большая голубая буса, подвешенная с помощью особого отверстия, проделанного между ноз-

драми. Заметив, что ее украшение привлекло наше внимание, она смутилась и спрятала голову в складки своего пэска.

У всех женщин висели в ушах серьги из бус, а на руках виднелись медные и железные бра-

Эскимосская семья.

слеты. Цвет кожи у эскимосов несколько темнее, чем у чукчей; волосы — черные, похожие на конские; лицо — плоское, нос — маленький и сплюснутый; маленькие карие глаза прорезаны почти по монгольски — несколько косо.

В их палатках, пол которых устлан цыновками, сплетенными из травы, царит опрятность и порядок. Мы видели у них массу

утвари из кокосовых скорлуп, привезенных, повидимому, китоловами с островов южных морей. Большинство предметов их домашнего хозяйства, а также ножи, пилы, топоры, револьверы, ружья, заряжающиеся с казенной части — американского происхождения. Удивительно, что рядом с этим эскимосы употребляют прадедовские луки, стрелы, копья для охоты на птиц, костяные багры и различные каменные орудия. Особенно искусно были сделаны всевозможные рыболовные снасти из раскрашенной кости, камней, бус и кусочков красной кожи, снятой с лапок каких то водяных птиц.

Что касается добывания огня, то эскимосы, как и чукчи, употребляли для этого огниво, кремьнь и трут, а также огневую дрель, но, наряду с этим, у них имелись и американские спички! Все инструменты эскимосов были гораздо красивее и изящнее чукотских, украшены богатой резьбой и раскрашены графитом и красной охрой. Я видел смычки, вращающие огневую дрель, сделанные из слоновой кости и украшенные резьбой, изображающей картины охоты.

Эскимосы народ состоятельный, о чем свидетельствует хотя бы огромное количество принадлежащих им лодок. Благосостоянию их способствует главным образом то, что здесь море замерзает на более короткое время, чем на азиатской стороне, и потому охота дает более обильную добычу.

Лишь только рассеялось первоначальное недоверие, эскимосы стали чрезвычайно любезны и предупредительны. В общем, это народ честный, хотя и с некоторой склонностью к хитрости и попрошайничеству.

Приятно поразило нас, что эскимосы не так падки до водки, как чукчи. Впрочем, торговля водкой в Америке так строго запрещена, что, волей неволей, запрет соблюдается!

Во время нашего пребывания у чукчей я тратил свои привезенные для обмена вещи чрезвычайно экономно. Меня вынуждала к этому полная неизвестность относительно того, удастся ли нам выбраться оттуда и когда именно. Эта вынужденная скупость часто лишала меня возможности получить у чукчей интересовавшие меня предметы, но зато теперь я, благодаря этому, оказался богачем, тем более, что у нас накопилось множество вещей, которые при путешествии по южным морям были бы нам только в тягость.

Я использовал свои богатства, бродя с мешком, как коробейник, от становища к становищу и выменивая войлочные одеяла, чулки, рубахи, оружие и тому подобные полезные вещи на разные предметы, пополнявшие мою этнографическую коллекцию.

На северной стороне гавани я нашел две эскимосских могилы. И здесь тоже трупы лежали прямо на земле, без гроба, но самое место было обнесено изгородью. Возле од-

ного труп лежал каяк с веслами, заряженная двустволка с взведенными курками и насаженными пистонами, платье, огниво, лыжи, сосуд для питья, две вырезанные из дерева маски, измазанные кровью и несколько изображений животных самой причудливой формы. Множество подобных изображений мы находили в палатках и нам удалось купить изрядное количество интересных образцов.

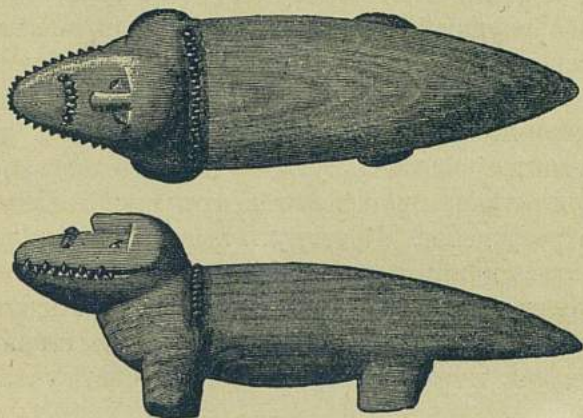
Очень заинтересовали меня, стоявшие по-

Эскимосская могила.

зади двух палаток, на $1\frac{1}{2}$ метровых шестах, идолы: нарисованные на дереве грубые изображения птиц с растопыренными кроваво-красными крыльями. Но все мои старания приобрести их оказались тщетными. Даже большое шерстяное одеяло оказалось недостаточно заманчивым, хотя за такую меновую единицу мне в других случаях отдавали все, что я пожелаю. За такое одеяло и 500 патронов я без труда получил прелестный, ослепительно-белый каяк, особенно элегантной формы.

Между прочим, я здесь нашел своеобразное доказательство деловитости янки, когда речь идет о сбыте товаров. Один эскимос, посетивший наш корабль, показал нам напечатанный проспект, в котором какой то торговый дом в Сан-Франциско рекомендует свой «магазин замечательных принадлежно-

Вырезанное из дерева изображение животного.
(Вид сверху и сбоку.)

стей охотничьего спорта господам спортсменам Берингова пролива», т. е. эскимосам!

МАССОВОЕ ИЗБИЕНИЕ КОТИКОВ

26-го июля при прекрасной погоде и попутном ветре мы снова поплыли к берегам Старого Света. В глубине залива Коньяма еще держался сплошной лед, но 30-го июля

он вдруг тронулся и, как ни был хрупок, грозил раздавить наше суденышко, прижав его к суше. К счастью, опасность была замечена вовремя, мы развели пары и, поспешно покинули опасную стоянку.

Это непредвиденное событие заставило нас истратить несколько лишних кубических метров угля, что очень уменьшило наш и без того скудный запас его. Кроме того, меня беспокоила мысль о том, что отсутствие о нас сведений на родине не только причинит близким тревогу, но может побудить их отправить спасательную экспедицию и, следовательно, произвести непроизводительную затрату денег. Поэтому я вынужден был решиться двинуться дальше, хотя ученые члены экспедиции настойчиво советовали разыскать где либо в окрестностях безопасную гавань, где они могли бы продолжать свои научные работы.

В конце концов, я согласился сделать до Июкогамы еще одну остановку — около Берингова острова, где мы хотели посмотреть на ловлю котиков.

Этот остров лежит уже вне крайнего пояса плавающих льдов, у берегов Камчатки и относится к группе Командорских островов.

Перед выступлением на охоту на котиков, столь ценимых за их мех, охотники точно устанавливают, сколько животных и какого возраста они хотят уложить. Самок и детенышей убивают только в исключительных

случаях. Сильные самцы, могущие поддерживать свой гарем, обычно тоже не подвергаются избиению. Погибают преимущественно холостяки и молодежь определенного возраста.

Но возможно ли такое планомерное избиение диких, живущих на свободе, зверей? Оказывается, что своеобразные повадки этих животных делают возможной охоту по заранее выработанному плану.

Сотни тысяч морских котиков, из года в год, летом собираются на определенных, выступающих далеко в море местах побережья и проводят на этих скалистых ложбищах целые месяцы, не принимая никакой пищи.

Первыми на ложбище являются самцы — большинство в мае, остальные — в начале июня. Сразу же начинается борьба за участок в 10 квадратных метров, необходимый животному для того, чтобы устроиться по семейному, борьба настолько ожесточенная, что иногда кончается смертью. Правда, вначале, пока спор идет только об обладании участком, котики дерутся не очень яростно и ограничиваются часто угрожающими жестами. Отогнав нападающего, самец никогда не преследует его за пределами своего участка, а ложится отдохнуть, чтобы набраться сил для новой схватки. При этом он радостно ворчит, поворачивается на спину, почесывается передними лапками, либо обмахивается, как веером, задними. Одна из

своеобразных замашек этих зверей — их постоянное употребление своих задних перепончатых лап то в качестве вееров, а то так даже в качестве зонтиков от солнца! Сотни тысяч таких вееров и зонтиков движутся одновременно на таком ложбище.

В середине июня являются давно уже нетерпеливо ожидаемые самки. Их встречают несколько сильных самцов, которым удалось отвоевать себе местечко на самом берегу. Водворив самку на своем участке, самец опять спешит к берегу, чтобы заманить к себе еще одну вынырнувшую красавицу. Однако, когда он возвращается со второй супругой, оказывается, что первую уже успел похитить его сосед; он кидается за ней, но пока дерется с одним соседом, другой уводит его вторую самку! Начинается непрерывная борьба, в которую самка совершенно не вмешивается, терпеливо снося удары, выпадающие на ее долю, когда сражающиеся самцы тянут ее то в ту, то в другую сторону. После борьбы не на живот, а на смерть, борьбы, которая длится иногда неделями, самок, наконец, удастся поделить. Сильный самец, который успел захватить хороший участок на берегу, собирает вокруг себя 12—15 самок. Более слабые, вынужденные устроиться подальше от берега, ограничиваются 4—5 супругами.

Самки приводят с собой своих годовалых детенышей и когда, спустя 3 месяца, исто-

ценные трехмесячным постом, самцы уходят с ложбища, дети занимают все побережье и располагаются на просторе. От солнца и большой жары они прячутся в воду, но в прохладную, туманную погоду тысячами лежат на суше.

Самцы моложе 6 лет не могут занять места на ложбище и завести семью; они собираются огромными стадами около берега и играют на покрытых травой лугах, как резвые щенята.

Этой то несчастной молодежи и угрожает страшная смерть. Туземцы, как наши охотники на облаве, становятся цепью вдоль берега и гонят котиков к месту избиения. Там самок и детенышей моложе трех лет отпускают, молодых же самцов одного за другим избивают дубинами или ножами; беззащитные животные погибают десятками тысяч.

Мы решили непременно посмотреть такую охоту, но так как этого не следовало делать без руководителя, чтобы нечаянной помехой не причинить туземцам или охотничьей артели убытков, то мы взяли в проводники сгорбленного старика — старосту деревни, и «казака»-стражника, вооруженного саблей почти в собственный рост.

На ложбище мы отправились на больших санях, запряженных десятью собаками. Пришлось ехать через горы, покрытые твердым снегом и по долинам, поросшим пышной травой. По бесснежным местам мы ехали медленно, по снегу же мчались во весь дух. На

некотором расстоянии от ложбища мы оставили собак, чтобы не испугать котиков, и пошли дальше пешком, стараясь подойти к животным с подветренной стороны. Неожиданно, на одном из поворотов мы увидели перед собою колоссальное стадо котиков. По оценке знатоков их было около 200,000 штук!

Нам разрешили осторожно подойти с проводниками к самому стаду и перед нами развернулась удивительная картина.

Сценой служило каменистое побережье, около которого кипел прибой; фоном являлось море, актерами — многие тысячи причудливых животных. Часть старых самцов лежала спокойно и неподвижно, видимо несколько не заботясь о том, что происходит вокруг. Другие неуклюже ползали на своих коротких ножках между скалами побережья, или с невероятной ловкостью ныряли в полосу прибоя, или играли, лаская и дразня друг друга. Кое-где старые самцы боролись с более молодыми; но было ясно, что борьба эта только показная, что старики как будто дают урок фехтования молодежи. Повсюду ползали черные малыши, деловито пробираясь между взрослыми, по временам издавая крик, напоминающий блеяние ягнят — они призывали своих матерей.

К сожалению, долго смотреть на это зрелище нам не пришлось. Ветер немного изменился и у нас захватило дыхание от отвратительного запаха падали. Недавно здесь

убили 13,000 котиков и 13,000 ободранных трупов валялись на берегу, отравляя воздух на много миль кругом.

За 40 рублей мне удалось склонить старосту отпрепарировать мне скелет одной туши, лежавшей в траве. Благодаря любезности русских властей я получил еще 6 экземпляров котиков, из которых сделал чучела. Всякий раз, когда я вижу их в музеях моей родины, я с болью думаю о том, что человек, считающий себя венцом творения, способен устраивать такие безжалостные избиения безоружных животных.

ВЕСЕЛЫЙ ОТДЫХ

Вечером 19-го августа «Вега» покинула Берингов пролив. Бог погоды не дарил нас своим благоволением: удушливый зной сменялся сильнейшими грозами. Во время подобной бури 31-го августа, молния ударила в грот-мачту «Веги»; вымпел сорвало и вместе с верхушкой мачты бросило в море. Мачта оказалась расколотой, а мы все были порядком испуганы. К счастью, никаких неприятных последствий это происшествие не имело.

Вечером 2-го сентября мы пришли в Иокогаму — первую телеграфную станцию, у которой мы бросили якорь с тех пор, как пустились в путь вокруг северного побере-

жья Старого Света. Когда то здесь была маленькая рыбацкая деревушка, жителям которой под угрозой наказания было запрещено даже разговаривать с командами чужеземных кораблей, не только что вести с ними меновую торговлю! А теперь — 20 лет спустя — эта деревушка выросла в город с 70,000 жителей, имеющий не только японские, но и европейские дома, магазины и гостиницы.

Местоположение самого города не особенно привлекательно, но если погода благоприятствует, то, под'езжая к городу, можно увидеть на западе прекрасный, покрытый снегом конус вулкана Фузияма, поднимающийся над лесистой равниной. Кто хоть раз видел этого исполина, тому не кажется странным, что японцы так охотно изображают именно эту высокую, стройную, но страшную гору на своих фарфоровых и лакированных изделиях, на материях, бумаге, оружии. Сотни тысяч людей погибли во время извержений этого вулкана, а сама гора, если верить легенде, образовалась когда то, в незапамятные времена, за одну ночь.

Едва мы причалили, как я с капитаном Паландером поспешили на телеграфную станцию, чтобы сообщить на родину о благополучном прибытии «Веги».

Вслед за тем я разыскал шведского консула, который передал мне целую грудку писем с родины. Первая почта с родины! И,

главное, — приятная почта! Никто из тридцати участников экспедиции не получил печальных известий!

Зато вскоре по высадке я узнал о печальном происшествии: пароход «Норденшельд», высланный к нам на выручку в Берингов пролив обеспокоившимся за нашу участь знаменитым русским купцом Сибиряковым — затонул около острова Иессо. К счастью, дело обошлось без человеческих жертв и условия, при которых корабль наскочил на песчанную отмель, позволяли надеяться, что его удастся снять без особенно больших затрат.

Когда весть о нашем прибытии распространилась по городу, к нам стали являться многочисленные делегации с поздравлениями и приглашениями на разные торжества.

После печальных будней во льдах и мраке полярной ночи наступили веселые праздники и пиры.

10-го сентября шведский посланник чествовал нас обедом в лучшем отеле Йокагамы, где мы были представлены членам японского правительства.

11-го сентября японский морской министр пригласил нас в императорский летний дворец. За обедом присутствовали высшие сановники Японии. Этот дворец окружен садом, который, по мнению японцев, является одной из достопримечательностей страны. И действительно, оказалось, что это очень оригинальный, миниатюрный парк с прекрасным

газоном, деревцами-карликами причудливой формы, кукольными каменными мостиками, маленькими прудами и водопадами. Празднество прошло очень оживленно и весело. К сожалению, все приглашенные японцы явились в европейских костюмах — во фраках и с белыми галстуками — и только лакеи и низшие чиновники были в национальных костюмах, но без мечей, ношение которых теперь запрещено. Многие также заменили неудобные японские прически европейскими.

В беседе с нами, японские министры заявили, что приложат все старания, чтобы сделать наше пребывание в Японии возможно более приятным. Знатных иностранцев в Японии с незапамятных времен принимают очень хорошо; существует даже особое учреждение, на обязанности которого лежит организация приема выдающихся иностранцев. Это обстоятельство вызвало в известных кругах некоторое неудовольствие и незадолго до нашего прибытия появилось даже воззвание какого то тайного общества, протестующего против торжественного приема иностранцев и грозившего убить министра вместе с иностранными гостями, если это будет повторяться. Впрочем, на эти угрозы никто не обратил внимания.

17-го сентября шведский посланник повез нас в Токио, чтобы представить Микадо. Пышные императорские экипажи, сопровождаемые, по японскому обычаю, одетыми

в черное скороходами, доставили нас с вокзала в императорский дворец — непритязательное деревянное здание с небольшими, почти убого меблированными комнатами. Нас провели в залу, где император принял нас, стоя перед троном. Министр двора заранее предупредил нас, что мы должны сделать по три поклона: в дверях, затем — сделав несколько шагов и, наконец, на назначенном для нас месте.

После того как нас представили, император произнес речь на японском языке, которую переводчик тут же переводил на французский; мы еще не успели покинуть дворца, как нам уже была вручена письменная копия этой речи. Я ответил на нее тоже речью, после чего нас угостили в парадных покоях сигарами и чаем.

18-го сентября нас пригласили на обед к морскому министру Кавамура. Обед был особенно интересен для нас тем, что мы в первый раз попали в настоящий японский дом. Госпожа Кавамура, около которой я сидел, была одета в японский костюм, простой, но очень изящный. Присутствовавшая за столом десятилетняя дочь ее была, к сожалению, густо набелена, что очень безобразило красивую девочку и придавало ей болезненный вид. Госпожа Кавамура выгодно отличалась от других японских дам тем, что, вопреки обычаю, не зачернила после свадьбы своих прекрасных зубов.

За официальными обедами и приемами следовали интересные прогулки на лодках или в экипажах. Мы познакомились с прекрасными окрестностями Токио и присматривались к повседневной жизни японцев, к их быту и нравам. Благодаря особой любезности и рекомендации знакомых, мы имели доступ в такие места, куда обыкновенно неохотно пускают европейцев. Так, например, японские чайные домики и гостиницы предназначены только для японцев и проникнуть туда европейцу очень трудно. По мнению японцев, европейцы народ грубый и невоспитанный: ходят по коврам в грязных сапогах, плюют на пол, невежливо обращаются с прислуживающими девушками и вообще не умеют себя вести, а потому и пускать их в общественные места не следует.

Как я уже сказал, рекомендации японцев дали мне возможность побывать и в чайных домиках и даже прожить несколько дней в японской гостинице, куда меня пустили только после того, как мои спутники — два чиновника из канцелярии губернатора Иокагамы — уверили хозяина, что я не принадлежу к числу «обыкновенных европейцев, безнравственных и нахальных».

При входе в японский дом, европейца раньше всего поражает полное отсутствие мебели в комнатах. Зато полы покрыты красивыми соломенными циновками и стены украшены картинами и соответствующими месту изре-

чениями и стихами. Комнаты отделяются друг от друга тонкими раздвижными перегородками. Благодаря этому возможны такие случаи, что улегшись спать в большом помещении, вы на утро оказываетесь в крошечной комнатке. Все комнаты обыкновенно имеют выход в сад, или на балкон; здесь, снаружи, всегда стоит чашка и кувшин с водой для умывания. В одной из стен комнаты находится шкаф, в котором хранятся постельные принадлежности, предназначенные для обитателя данной комнаты. Они состоят из толстого ковра, который расстилается на полу, круглой подушки, или специальной деревянной подпорки, на которую, вместо подушки, японцы кладут голову во время сна, и теплого, употребляющегося вместо одеяла, халата.

Обменявшись у входа приветствиями и любезностями с хозяевами гостиницы, мы сняли обувь и прошли в гостиную — большую, ослепительно чистую комнату. Вообще, должен сказать, что в отношении чистоты и порядка ни один первоклассный европейский отель не может сравниться с самой скромной японской гостиницей.

Едва гости входят в гостиную, как прислужницы раскладывают на полу, вокруг деревянного ящика, заменяющего стол, четырехугольные шелковые подушки, на которые гости усаживаются. Вслед за тем им предлагается чай в маленьких специальных чашеч-

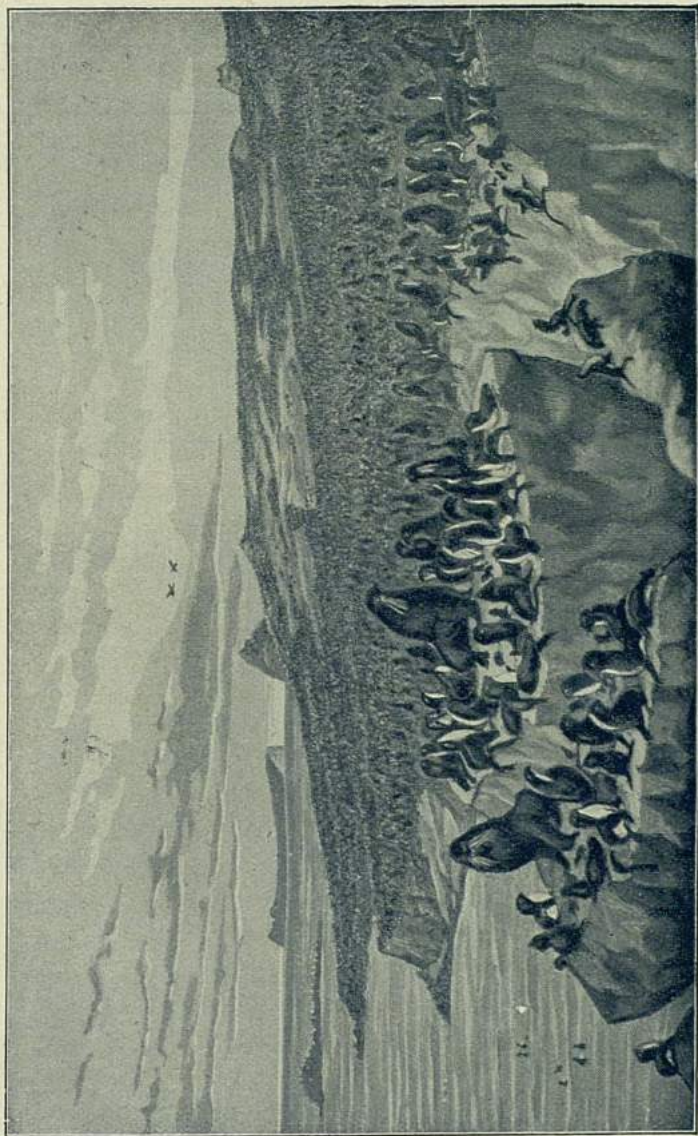
ках. На одном конце ящика-стола стоит жаровня, служащая для поддержания температуры чая, на другом — большая глиняная, наполненная водой, пепельница.

Жаровня считается необходимым предметом в японском хозяйстве и часто бывает очень изящной формы и художественной работы. Японцы умеют чрезвычайно долго поддерживать огонь в такой жаровне, причем топливом служит древесный уголь.

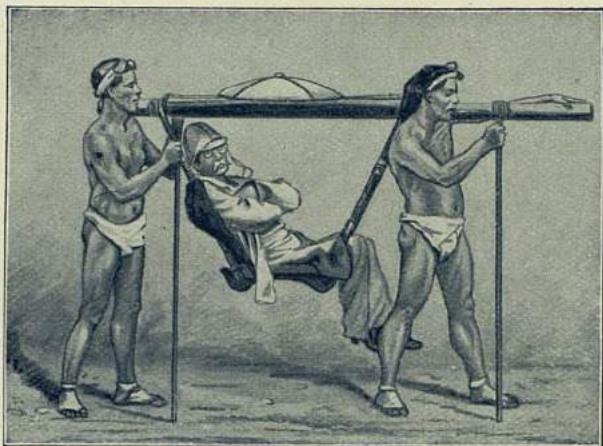
За обедом все блюда подаются сразу на маленьких очень низких лакированных столиках, большей частью на лакированных же тарелках, хотя иногда и на фарфоровой посуде. Японцы едят без помощи ножа, вилки и ложки, пользуясь только специальными палочками. Питая отвращение к рыбьему жиру, играющему в Японии роль нашего сливочного масла, я никогда не мог постичь прелести японской кухни, но мои спутники утверждали, что все приготовлено очень вкусно.

После еды японцы закуривают трубки, которые в Японии так же малы, как и у чукчей — в 2—3 затяжки можно выкурить всю трубку. Зато японец выкуривает несколько дюжин трубок без перерыва.

Так как я приехал в сопровождении двух важных чиновников и, следовательно, являлся сам важной особой, то я должен был особенно щедро наградить хозяев. Чаевые в Японии даются не прислуге, а самому хо-

Котики на Беринговомъ островѣ.

Японскія носилки.

Японскіе борцы.

зяину; их вручают ему завернутыми в белую бумагу, сопровождая это подношение соответствующими комплиментами. В ответ хозяин держит любезную речь, извиняясь, что в доме его все было не так хорошо, как высокочтимый гость имеет право требовать. При отъезде гостей хозяин провожает их на большее или меньшее расстояние — в зависимости от суммы чаевых или поведения гостей.

ЭКСКУРСИЯ НА ВУЛКАН АЗАМАЯМА

28-го сентября, ранним утром, я с двумя офицерами, переводчиком и поваром-японцем, умеющим готовить по европейски, выехал к знаменитому вулкану Азамаяма.

До города Такасаки, лежащего на «большой дороге» из Токио в Киото, мы ехали в отвратительном и чрезвычайно неудобном экипаже, запряженном парой лошадей. Дорога почти все время шла через людные деревушки, между рисовыми полями и садами, но мы не видели ни одной лошади или вола в упряжке. Поля в Японии обрабатываются исключительно руками. Об использовании для этой цели животных японцы не имеют понятия.

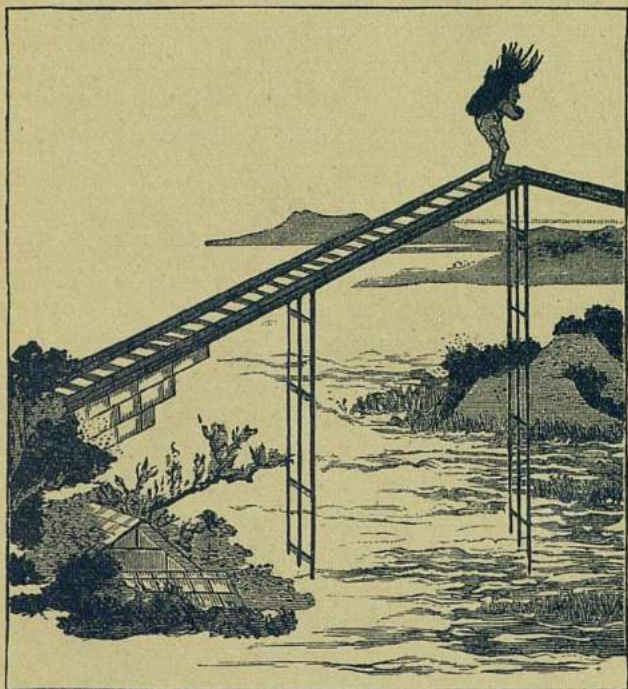
Большинство дорог в стране — тропинки, такие узкие, что две вьючные лошади лишь с трудом могут разминуться.

Местами через реки и ручьи перекинуты легкие, хрупкие мостики, по которым могут пройти только люди не подверженные головокружениям. Где нет судоходных рек, товары переносятся главным образом людьми. Страна очень хорошо обработана, и надо удивляться трудолюбию, с каким проводятся оросительные каналы и выравниваются холмистые местности.

Наши почтовые лошади были так голодны и выглядели настолько истощенными, что в Европе оштрафовали бы за истязание животных всякого, кто вздумал бы запретить подобных одров. Через каждые 20 километров мы останавливались у почтовых станций и сменяли лошадей. Наш кучер, впрочем, останавливался кроме того у многих встречных домов, чтобы зачерпнуть ведро воды и облить ею ноги лошадей. Как только наш экипаж останавливался у какогонибудь дома, оттуда выходили девушки и угощали нас чашкой чая, за что получали от нас несколько слов благодарности и медную монету.

Чтобы ознакомиться с бытом японского крестьянина, мы зашли по дороге в 2—3 дома; хозяева приняли нас любезно и угостили чаем и печениями. Различие между дворцом, если этим именем можно назвать какое-нибудь здание в Японии, и обывательским домом здесь не так велико, как в Европе. Классовые отличия здесь также не так резко выражены. В гостиницах по дороге мы не раз

видели, как знатные путешественники ели свой рис в обществе «жули», тащивших их экипаж. Мы обратили также внимание на то, что за всю дорогу не видели ни одного нищего.

Мост через реку.

Судя по толпам детей, повсюду встречавшихся нам, семьи японцев весьма многочисленны. Редко случалось видеть девочку 8—12 лет, которая бы не несла на спине ребенка. Крепко привязанные малыши, повидимому, мало мешали своим сестрам и нянькам. Ничуть

не беспокоясь о ребенке, они принимали участие в играх, либо занимались какой нибудь работой.

Поздно вечером мы прибыли в Такасаки и в первый и последний раз испытали неудобство, на которое часто жалуются путешественники по Японии европейцы: мы стучались в двери одной гостиницы за другою, но нас нигде не принимали. То — «все занято», то — «сейчас в комнатах идет уборка», то — «хозяева уехали». В конце концов, не оставалось ничего иного, как обратиться к помощи полиции. Предъявив паспорта, мы при содействии полиции получили таки ночлег в старенькой гостинице. Правда, хозяин вышел к нам с лицом, ясно выражавшим, что он охотнее изрубил бы нас тем самым мечем, который когда то имел право носить, чем добровольно предоставил бы нам приют под своей кровлей. Даже впусив нас в дом, он все еще пытался умиловить полицейского чиновника:

«Неужели я в самом деле обязан принять этих варваров?»

Мы благородно отомстили ему. Едва войдя в комнаты, мы разулись, не скупившись на любезности и поклоны и вообще вели себя так вежливо, что наш суровый хозяин при прощании не только пригласил нас и впредь приезжать к нему, но даже дал рекомендательное письмо к владельцу гостиницы в другом городе, где нам предстояло остано-

виться. Он уверял, что по пред'явлении этого письма нам нечего опасаться повторения таких неприятностей и оказался прав.

Большинство домов в японских городах выстроено из тщательно выстроганных тоненьких досок. Лишь кое где можно видеть маленькие дома с толстыми каменными стенами, с железными решетками и с дверьми, закрывающимися тяжелыми задвижками и замками. Эти дома нескгораемы и служат, главным образом, хранилищами драгоценностей на случай пожара. Пожары в Японии явление настолько частое, что, как говорят, каждый год выгорает в среднем $\frac{1}{3}$ каждого города. В Такасаки нам пришлось, к нашему удовольствию, переночевать в таком нескгораемом доме.

Когда на следующее утро мы остановились около лежащего близь дороги большого постоялого двора, то увидели во дворе около дюжины девушек, занимавшихся своим туалетом. Японская крестьянская девушка, будь она хорошенькой или дурнушкой, всегда безупречно опрятна и чрезвычайно приветлива. Девушки мылись около колодца, приглаживали свои искусно причесанные, но слегка растрепавшиеся во время сна волосы и чистили ослепительно белые зубы. Мыла они не употребляли; его заменяли мешечки, наполненные отрубями. Зубы они чистили палочками, концы которых были растрепаны в кисточку. Зубной порошок состоял

из мелко истолченных ракушек и вместе с диковинными зубными щетками хранился в деревянных коробочках, какие продаются во всех лавченках около дороги.

За Такасаки ландшафт резко изменяется. Дорога, шедшая до сих пор по густо-населенной и тщательно обработанной равнине, теперь вьется по холмам, мимо долин, в которых шумят стремительные ручьи. Из земли бьют горячие ключи; чтобы использовать их целебную силу, здесь устроены курорты, где больные со всей страны ищут исцеления своих недугов.

Вблизи этих курортов мы встретили несколько слепых, ходивших по дороге без провожатых, нащупывая путь длинной бамбуковой палкой. От времени до времени они наигрывали на коротеньких дудочках, напоминая прохожим об их обязанностях к ближним. И эти люди, впрочем, нищенствуют лишь временно: во время купального сезона они зарабатывают деньги массажем; в Японии уже сотни лет тому назад оценили значение умелого массажа.

В японских гостиницах, как я уже рассказывал, живется хорошо, если только вы умеете приспособиться к японцам, все делать на полу и соблюдать все принятые здесь правила. Последнее необходимо уже по одному тому, что несоблюдение их навлекло бы на гостя неприятности со стороны хозяина и прислуги. Труднее всего европейцу при-

выкнут к столу японцев, которые — я удовольствуюсь одним примером — едят рыбу сырою. Кто не способен питаться так, должен возить с собою собственного повара. Сопровождавший нас японец, изучивший французскую кухню, во время нашего путешествия так усердно отдавался своему ремеслу, что даже в пустыне у подножия Азамаямы успокоился лишь тогда, когда ему удалось приготовить нам обед из 5-ти блюд! Он подал нам суп с курицей, омлет с курицей, котлеты из курицы, фрикассе из курицы и омлет с вареньем; как видите, все меню основывалось на курице и куриных яйцах.

Дороги от Икахо до следующей остановки — Сававатари были настолько плохи, что нам пришлось воспользоваться «каго» — японскими бамбуковыми носилками. Для нас, европейцев, эти носилки чрезвычайно неудобны, так как мы не умеем, подобно японцам, сидеть в них со скрещенными ногами, если же свесить ноги, то они скоро отекают. Подъем был так крут, что через каждые сто шагов носильщики останавливались, чтобы переложить бамбуковый шест на другое плечо.

Местечко Сававатари лежит на склоне горы, так что улицы его состоят почти исключительно из лестниц и крутых холмов. В нескольких местах из горы бьют горячие минеральные источники. Проходя вечером по деревне, мы увидели большое собрание и, заинтересованные, подошли ближе,

Оказалось, что здесь происходило состязание борцов. В кругу, диаметром метра в 3, боролись два молодых человека, одетые в костюмы, напоминающие купальные. Победителем считался тот, кому удавалось повалить противника или выбросить его из круга. Очень смешную картину представляло собой начало борьбы: противники сидели на корточках друг против друга в середине круга, напряженно выжидая знака арбитра и затем, точно пантеры, яростно кидались друг на друга, стремясь возможно скорее кончить борьбу. Один за другим вступали борцы в круг, произносили полагающееся приветствие и мерились с противником силами. Зрителями были преимущественно старики и дети.

За Сававатари дорога стала такой крутой и каменистой, что нам пришлось сесть верхом на лошадей, так как ноги наши окончательно онемели в носилках.

У японцев есть странный обычай: путник никогда не правит сам конем — его ведет под уздцы бегущий рядом скороход. Эти скороходы так быстро передвигаются и настолько выносливы, что даже при самой быстрой рыси не отстают от коня. Экипажи знатных горожан и почтовые кареты на главных трактах тоже сопровождаются скороходами, которые громким криком разгоняют народ, пользуясь иногда для этой цели даже почтовым рожком, что бывает не особенно приятно и полезно для барабанной перепонки путешественника.

2-го октября мы остановились в городе Кузатзу, лежащем на высоте более 1000 метров и, подобно Аахену, славящемся своими серными источниками. Многочисленные больные ищут здесь исцеления. Город живет только

Купание в серных источниках Кузатзу.

ими и состоит преимущественно из купален, гостиниц и торговых рядов.

В определенные часы, по знаку, даваемому находящимся в особом павильоне врачом, все больные одновременно входят в воду и одновременно выходят из нее. Мужчины и женщины купаются вместе на глазах многочисленных зрителей обоего пола. Благодаря

высокой температуре и содержащейся в воде сере, купанье должно быть не особенно приятно, по крайней мере у купающихся лица очень сосредоточены и когда они выходят из воды, тела их красны, как огонь.

3-го октября мы достигли подножья исполинской горы Азамаяма, но нам предстояло еще взобраться на нее. Нашим носильщикам только с большим трудом удавалось подвигаться вперед. Дорога проходила то по краю пропасти, глубиною в 300 метров, то по покрытым пышной растительностью лужайкам, остававшимся совершенно неиспользованными, хотя тысячи человек могли бы прокормиться здесь скотоводством. Идя дальше, мы дошли до безотрадных пустынных мест, заваленных глыбами лавы и кучами щебня. Пришлось закутаться в теплые одеяла, так как ночью здесь стало нестерпимо холодно.

Вокруг нас царил мир и покой, как будто здесь никогда не проносились смерть и разрушение. Однако не нужно было ни доказательства, в виде столба черного дыма, поднимавшегося над вершиной горы, ни свидетельства жителей, переживших последнее извержение этого вулкана, чтобы почувствовать, что мы находимся у входа в ад. Около нас лежали нагроможденные друг на друга куски лавы, еще не успевшие выветриться настолько, чтобы на них могли появиться растения. В некотором отдалении виднелся застывший поток лавы.

Мы пешком поднялись к вершине горы, по дороге, обозначенной небольшими кучками камня, сложенными на расстоянии метров ста друг от друга. Неподалеку от кратера выстроен маленький храм. Здесь наши проводники провели с четверть часа, набожно молясь. Так как я пообещал щедро угостить их красным вином, если мы достигнем вершины при ясной погоде, то один из проводников еще у подножья горы произнес несколько заклинаний, чтобы умиловить духов.

Мы подошли к краю кратера. Вулкан постоянно пребывал в действии, непрерывно извергая дым. Явно чувствовался запах серы и сероводорода. Поистине страшно взглянуть в пасть кратера, ядовитое дыхание которого в одну ночь могло-бы уничтожить города и нивы!

Над вершиной горы небо было безоблачно, но между нами и лежащей внизу местностью простиралась густая завеса из туч, которая сверху казалась безграничным, бурно-волнующимся морем, где кипит прибой. Эта пелена скрывала от нас вид на горы Японии и ее цветущие сады. Только кое где, в просвете между туч, проглядывали на мгновение небольшие кусочки прелестного ландшафта.

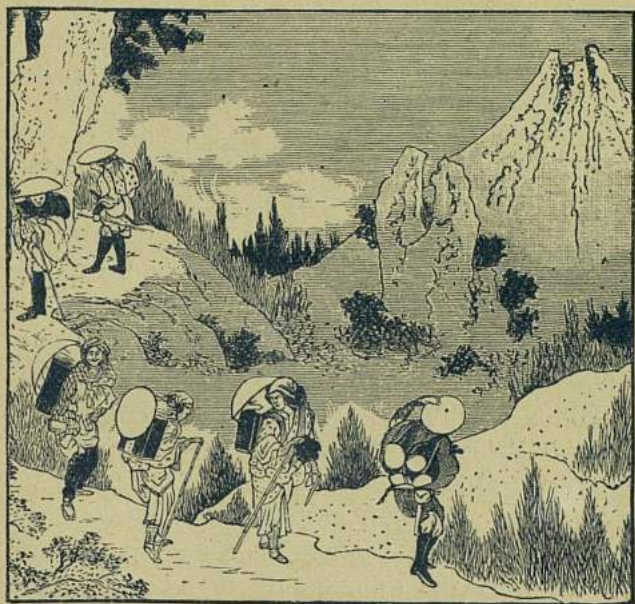
Утомленные под'емом, мы позавтракали в ущелье, лежавшем так близко от кратера, что мы могли бросать в его бездонную глубину опорожненные бутылки; затем двинулись в обратный путь.

Мы шли сперва по той же дороге, по которой поднимались, но потом свернули вправо и стали спускаться по еще более крутому склону. Здесь гора состояла из совершенно рыхлого, не связанного никаким растительным покровом, песка. Взбираться этим путем было бы вероятно невозможно, но спустились мы очень быстро, иногда даже слишком быстро. Стремительный спуск не причинил нам, впрочем, особенных неприятностей, не считая того, что местами мы, попросту, скользили вниз, благодаря чему наша обувь оказалась изорванной в клочья острыми краями обломков лавы.

От подошвы Азамаямы дорога вела через горный хребет, который образовался из мощного потока лавы, вылившегося из бокового кратера. Это извержение не только уничтожило окрестные деревни, но даже отдаленнейшие нивы были обращены в пустыню падавшим пеплом.

Перед нами расстился типичный японский горный ландшафт. Развертывающиеся по мере спуска картины были полны необыкновенной прелести и своеобразия. Дорога шла мимо диких ущелий и глубоких пропастей, склоны которых кое где были одеты пышной растительностью. Никаких перил, которые бы предохраняли спускающихся с горы пешеходов от этих зияющих пропастей, не существует — человеку со слабыми нервами тут не место; от путешественника тре-

буется полное доверие к остроте взора и уверенности ног своего проводника-кули. Повсюду куда хватает взор — какой то хаос зазубренных, высоких, скалистых конусов; в глубине ущелий журчат горные ручьи, хру-

Японские носильщики в горах.

стально-чистые воды которых кое где собираются в озера, окруженные скалами. Здесь через пропасть перекинут колеблющийся мостик, там шумит срывающийся с неизмеримой высоты водопад. Иногда вдруг открывается вид на широкую горную долину и перед взором путника проходят сотни при-

лежных крестьян, толпы богомольцев, вереницы кули, лошадей и волов, нагруженных тяжестями. Сидя на зеленом склоне горы, я долго любовался пестрой картиной японской природы и жизни.

В НЕБЕСНОЙ ИМПЕРИИ

Наше пребывание в Иокогаме приходило к концу. Шведское посольство дало в нашу честь торжественный прощальный обед, на котором присутствовали японские министры и представители иностранных держав; нас представили также китайским сановникам. Китайское посольство состояло тогда из двух дипломатов, в число обязанностей которых входило следить друг за другом. Я заметил, что один из них усердно смеялся по поводу всего, что говорилось за столом, хотя очевидно не понимал ни одного из тостов; знатоки китайских обычаев об'яснили мне, что это считается в Китае признаком хорошего тона.

Оба китайских сановника пригласили нас посетить Небесную Империю и дали нам наилучшие рекомендации. 27-го октября «Вега» подняла якорь, чтобы отплыть дальше на юг.

Только 27-го октября!

В первые дни по прибытии нашем в Иокогаму, в начале сентября, мы отвели «Вегу» в верфь в Иокозукэ. Здесь должны были об-

шить корпус судна медью, чтобы защитить его от опасных сверлящих ракушек, которые живут в тропических морях и наносят огромный вред мелким судам. Одновременно мы хотели сделать кой какие изменения в устройстве корабля, необходимые при переходе из полярных морей в тропические. Первоначально я думал пробыть в Японии ровно столько, сколько потребуется для этих работ — этого времени хватило бы на то, чтобы офицеры и команда «Веги» могли отдохнуть от лишений и трудов долгой полярной зимы, послать письма на родину и ознакомиться посредством газет с тем, что произошло на свете за время нашего пребывания во льдах полярной ночи.

На деле оказалось однако, что мы пробыли в Японии гораздо дольше, чем предполагали. Нам было очень трудно расстаться с любезными и гостеприимными японцами, покинуть эту благословенную страну, вероятно, навсегда. Кроме того, приближался период «монзуна», и плыть в это время к югу было бы неблагоприятно. Стоило налететь на нас одному из циклонов, свойственных этому времени года, и «Вега» даже при полном напряжении ее машины пришлось бы потерять все то время, которое она выиграла-бы, отплыв раньше из Японии. В конце же октября и начале ноября можно было, напротив, рассчитывать на постоянные благоприятные ветры. Время нашего отъезда было выбрано

очень удачно: 27-го октября мы покинули гавань Нагасаки, а уже 2-го ноября пришли в Гонконг.

Мы, конечно, не имели в виду за время нашего короткого пребывания в Китае произвести какие нибудь научные исследования в Гонконге и его окрестностях, тем более, что места эти до нас многократно и тщательно обследовались натуралистами. Тем не менее я вошел в эту гавань, уступая просьбам моих товарищей, которым не хотелось уехать из Азии не повидав пресловутой «страны кос», так резко отличающейся от остального мира.

В 1842 году Гонконг был уступлен, как военная добыча, Англии. То, что тогда было невзрачной рыбацкой деревушкой, теперь сделалось одним из значительнейших рынков мира. Гавань чрезвычайно удобна, очень вместительна и хорошо защищена многочисленными гранитными островами. На одном из них, самом большом, расположился террасами город. Наиболее возвышенные пункты острова заняты дачами богатых европейцев, окруженными прелестными садами. Здесь мы были любезно приняты английским губернатором.

Гонконг, конечно, мало подходит для изучения Китая и китайцев. Богатый торговый город, обязанный своим изумительно быстрым расцветом англо-китайской торговле опиумом, он является английской колонией и имеет совершенно европейский облик. Но

недалеко от Гонконга — всего в нескольких часах езды пароходом — лежит старинный торговый город Кантон, где еще сохранились старо-китайские формы жизни.

Большинство членов нашей экспедиции успело побывать там и вынести массу интересных и разнообразных впечатлений. Трудно описать словами все своеобразие развернувшейся перед нами картины китайской жизни: эта шумная толпа людей с длинными косами, эти храмы, цветочные лодки, тюрьмы, мандарины никогда не изгладятся из нашей памяти. Китайцы везде встречали нас очень радушно, и как ни краток был наш визит, его хватило для того, чтобы исправить тот каррикатурный образ этого многочисленного на земле народа, который почему то рисуют в своих книгах многие европейские писатели. Мы очень быстро увидали, что перед нами серьезный и дельный народ, который, правда, имеет совсем другие понятия о добродетелях и пороках, о труде и наслаждениях, чем мы, но это, однако, никоим образом не дает нам права на то высокомерное пренебрежение, с каким европейцы привыкли относиться к цветным расам.

Вот маленький эпизод, который может иллюстрировать сказанное:

Писатели такого типа, о котором я говорил выше, преподносят европейцам басню — я сам было ей поверил — будто бы жареная крыса считается в Китае лакомством. Так

как мне для зоологических опытов нужна была крыса, то я как-то спросил через переводчика, как в Гонконге готовят крыс, чтобы сделать из них жаркое? Едва переводчик обратился с этим вопросом к одному китайцу, как тот стал осыпать нас бранью! Он проклинал переводчика за то, что тот помогает иностранным дьяволам издеваться над китайцами!

В ДЕВСТВЕННЫХ ЛЕСАХ И ПЛАНТАЦИЯХ

Утром 9-го ноября мы отплыли из гавани Гонконга, напутствуемые добрыми пожеланиями провожающих. Первоначально я предполагал отправиться отсюда в Манилью, но опоздание, вызванное задержкой в Японии, вынудило меня отказаться от этого плана. Однако, мы взяли курс не прямо на Сингапур, а сперва на Лабуан, небольшое английское владение на севере Борнео. Англия приобрела Лабуан ради его угольных копей; эти же залежи угля манили туда и меня: я хотел попытаться в непосредственной близости от экватора установить свойства экваториального климата доисторических времен.

Пока нам помогал монзун, переезд наш шел очень быстро; но лишь только мы вступили в полосу штиля, паруса повисли и только 17-го ноября мы бросили якорь в гавани Лабуана.

Спустив наш паровой катер, мы поплыли вверх по одному из извилистых рукавов реки. На обоих берегах растительность была настолько пышна, девственный лес так густ, что не было никакой возможности высадиться. Вокруг, вверх и вниз по реке, насколько хватал глаз — вода и непроходимый лес. На темно-зеленой блестящей листве деревьев великанов, играли солнечные лучи. Изумительное зрелище представляли смоковницы, воздушные корни которых свешивались далеко в воду. Это сплетение корней служит в устьях рек прекрасной плотиной для ила, несомого реками. Мне кажется, что эти, снабженные воздушными корнями, деревья являются причиной одного любопытного явления: сравнительно быстрого роста суши Борнео. В одном месте морской прибой с грохотом отрывает куски суши, в другом — остров понемногу отнимает у моря похищенную землю. Непрерывная борьба моря с сушей!

Необычайно интересный животный мир открылся здесь перед нами! По воде с невероятной быстротой шныряли маленькие ящерицы, с тонкой плавательной перепонкой между пальцами ног. В прибрежных кустах порхали зеленые зимородки и целые стаи разноцветных, очаровательных колибри. Большие крокодилы, испуганные шумом винта нашего катера, стремительно прыгали в воду. На пальмах резвились обезьяны; нам даже удалось убить одного самца.

Чтобы хоть поверхностно познакомиться с фауной суши, мы попробовали выйти на берег, но почва оказалась настолько илистой, что мы увязли по колени, и только бросая под ноги пальмовые листья и ветки, нам удалось пройти несколько десятков шагов вглубь леса.

На обратном пути к «Веге» мы посетили малайскую деревню. Она состояла из десятка хижин, выстроенных на высоких сваях метрах в 10-ти от берега. Все дома стояли на общей бамбуковой платформе, на высоте человеческого роста над уровнем воды. От берега к домам шел плавучий мост из длинных бревен, одним концом прикрепленных к земле, другим — к краю платформы. Дома, состоявшие из одной комнаты с крышей из пальмовых листьев, были похожи на ветхие деревянные клетки. Пол в них был так зыбок, что мы все время боялись провалиться в воду. В части комнаты пол был устлан циновками — это место предназначалось для сна. В углу находился очаг, состоявший из нескольких камней, возвышающихся над кучей золы. Все остатки трапез сбрасываются в море через сделанное в полу отверстие. Все убранство дома было так убого, что напоминало нам нищенские палатки чукчей.

У обитателей этих свайных построек повидимому нет никакого имущества, кроме того, что они носят на себе — куса вылинявшей и потрепанной материи. К сожалению, нам удалось увидеть вблизи только несколь-

ких мужчин: при нашем приближении к этим плавающим дворцам, женщины и дети с отчаянным криком убежали в самую дальнюю хижину, откуда рассматривали нас через щели в стенах, не переставая испускать крики ужаса. Мы попытались расположить мужчин в свою пользу посредством папирос; однако, трудно было разобрать, выражали ли их лица радость, равнодушие или гнев, считали ли они нас гостями или разбойниками, которых было бы лучше всего просто сбросить в море...

В конце концов, мы были рады-радешеньки, когда благополучно выбрались из девственных лесов Борнео.

21-го ноября «Вега» поплыла дальше через Сингапур к Пуен-де-Галль на острове Цейлоне.

В Сингапуре, где мы пробыли от 28-го ноября по 4-ое декабря, мы были очень радушно приняты как европейским, так и азиатским населением. Благодаря разнообразию представленных здесь наций — китайцев, бенгальцев, персов, сингалезцев, негров, арабов, англичан, португальцев — в городе царило положительно «вавилонское смешение языков».

На Цейлоне мы также встретили представителей разных народов, в различное время покорявших этот остров, либо ведших здесь торговлю: португальцев, голландцев, англи-

чан. Но главную часть населения Цейлона составляют сингалезцы и тамулы, осевшие здесь тысячи лет тому назад. Цвет кожи их очень темен — почти черен, волосы мягки и гладки, телосложение поразительно красиво. Особенно дети, ходящие почти нагими, и юноши, с их правильными чертами лица, большими глазами и здоровым, прекрасно сформированным телом, представляются классическими образцами человеческой красоты. Одежда сингалезца состоит только из куска материи, окутывающей бедра. Женщины кроме того закрывают верхнюю часть тела спускающейся до колен кофточкой из тонкой бумажной материи. Нагие дети часто носят в качестве украшения металлическую цепочку, обвязанную вокруг тела; к ней подвешивается золотая или серебряная пластинка — амулет, силе которого туземцы верят безгранично.

На Цейлоне мы видели много невзрачных деревянных храмов, по близости от которых, в грязных запущенных жилищах, живут священники и церковнослужители. Они принимали меня приветливо, охотно показывали свои священные книги и даже не отказывались впускать нас в свои храмы, только почему-то всегда оказывалось, что «нет ключа» именно от того хранилища, в котором находилась особенно интересовавшая нас святыня. Так, например, в «храме Дьявола», в Ратнапоре, наши взоры — взоры

неверующих — как оказалось, не должны были осквернить хранящиеся там лук и стрелы дьявола.

В сопровождении одного европейца и двух сингалезцев я предпринял экскурсию в Коломбо, чтобы после девственных лесов Борнео посмотреть цейлонские плантации. Целую ночь мы ехали в почтовом дилижансе по лесу. Темные кроны огромных кокосовых пальм призрачно вырисовывались на фоне неба. В воздухе мелькали светящиеся жуки, ярко вспыхивавшие при каждом взмахе крыльев. От времени до времени слышался шум моря. Ночной воздух был насыщен нежной свежестью, свойственной тропическим ночам. Вторую половину пути мы сделали по железной дороге, а из Коломбо двинулись пешком вглубь этой благословенной Богом страны. Ландшафт с часу на час становился все живописнее. Мы уже присмотрелись и привыкли к пышной тропической растительности, но подобного великолепия нам еще не доводилось видеть!

Покинув равнину с плантациями корицы и обширными кокосовыми рощами, мы попали сначала в область холмов, а оттуда в горы. В котловинах между ними виднелись плодородные рисовые поля; по склонам, некогда, вероятно, одетым непроходимым девственным лесом, теперь тянулись пышные, хорошо содержимые рисовые плантации. Мы были окружены великолепием плодородного

Цейлона! Пальмы величественно покачивали своими огромными веерами; по стволам темных деревьев вились побеги черного перца. Мы любовались камфорными, хинными, какаовыми деревьями, смотрели, как собирают светлые ванильные стручки, имбирь и кардамон, вдыхали тяжелый аромат пряных растений. Повсюду ни с чем не сравнимое обилие зелени, цветов, ароматов!

Однажды утром, на заре, я, в сопровождении сингалезца, поднимался на гору, по склону которой раскинулись кофейные плантации. Когда мы поднялись на 1300 метров выше уровня моря, место кофе заступил чай, еще выше, на высоте 1900 метров, оказалось плоскогорье, поросшее прекрасным девственным лесом. У меня дух захватило от восторга. Какой изумительный климат! Какое обилие! Поистине — Цейлон это рай земной!

На этих горах расположена летняя резиденция английского губернатора; туда же на лето отправляется часть гарнизона. Между окружающими это плоскогорье вершинами находится и высочайшая гора Цейлона — Педроталагалла, достигающая 2500 метров высоты.

НА РОДИНУ!

23-го декабря мы отплыли из Пуен-де-Галль и 7-го января 1880 года прибыли в Аден. Благодаря слабым ветрам и времен-

ному штилю наш переезд по Индийскому океану совершился очень медленно.

Наступало Рождество. В сущности нам следовало — в воспоминание о печальном прошедшем Рождестве — отпраздновать его как можно пышнее, но утомленные торжествами в Восточной Азии, мы встретили праздник очень скромно и тихо: были розданы кое-какие подарки, а повар позаботился о нашем праздничном обеде.

В Адене, у входа в Красное море, мы стояли всего только несколько дней. Здесь нас радушно принял шведский консул, показавший нам все достопримечательности города и окрестностей. Аден произвел на нас удручающее впечатление. Даже на крайнем севере трудно найти место, до такой степени лишенное всякой растительности, как это побережье Красного моря! Животный мир южных морей оказался даже беднее полярного. Наши сети на всем пути из Японии в Цейлон дали добычу совершенно ничтожную в сравнении с результатами драгировок к северу от мыса Челюскина.

9-го января «Вега» покинула гавань Адена и по Баб-эль-Мандебскому проливу вошла в Красное море. В течение всего перехода по этому узкому, длиною в 200 километров, морю, нашему суденышку пришлось выдерживать борьбу с отчаянным северным ветром, вскоре превратившимся в ледяную бурю; температура упала настолько, что лужицы

пресной воды в Каире покрылись льдом! Хотя мы, полярные путешественники, и были достаточно закалены, однако и нам пришлось в Египте вытащить свои шубы.

В последних числах января мы бросили якорь в Суэце — тогда еще незначительном торговом городке. Отсюда большинство ученых участников экспедиции и офицеров сделали экскурсию к пирамидам.

Вскоре после этого «Вега» вновь подняла якорь, чтобы по Суэцкому каналу пройти в Средиземное море. Исполинское сооружение, созданное искусством и несокрушимой энергией француза Лессепса и непревзойденное даже всеми знаменитыми сооружениями страны пирамид, с внешней стороны не производит особенного впечатления. Подобно узкой, окаймленной низкими берегами, реке тянется канал посреди желтой пустыни. Не видно интересных шлюзов; ничто не свидетельствует об опасных подрывных работах; нигде не бросаются в глаза памятники, увековечивающие преодоленные трудности. И тем не менее это мощное сооружение наполняет нас чувством гордости.

5-го февраля мы заглянули на несколько часов в Порт-Саид, а затем поплыли к Неаполю — первой европейской гавани.

В Адене и Египте я получил массу писем и телеграмм, сообщавших мне, что в Неаполе идут приготовления к торжественной встрече «Веги» и что о предполагаемом времени ее

прибытия ежечасно справляются в шведском консульстве. Так как, благодаря слабости машины, скорость движения «Веги» в высокой степени зависела от состояния погоды, то я не мог даже приблизительно указать времени нашего прибытия. Итальянцы надеялись успеть сообщить в Неаполь о приближении «Веги», как только она войдет в Мессинский пролив. К сожалению, мы подошли к нему уже после захода солнца. Поэтому я решил пристать у входа в пролив, а сам, с одним из лейтенантов, отправился на берег, чтобы известить о нашем прибытии Неаполь, Рим — и прежде всего — Швецию. Берег оказался дальше, чем мы предполагали и пока мы добрались до него, совершенно стемнело. При этом условии оказалось совсем нелегкой задачей причалить к берегу и затем, в кромешной темноте, пробраться через заросли кустарников к идущему вдоль берега железнодорожному полотну. Добравшись до рельс, мы принуждены были еще сделать хороший конец по шпалам, пока дотащились до станции. Но едва мы вошли в станционное здание, как нас окружили железнодорожные служащие и береговая стража, заподозрившие в нас контрабандистов. Они накинулись на нас с грубыми вопросами и замечаниями, так что мы от души порадовались, что никто из них не заметил нас по дороге: я уверен, что стража, не задумываясь, стала бы стрелять в нас.

Только когда чиновники увидали, каким высокопоставленным лицам адресованы наши телеграммы и узнали откуда мы пришли, они сразу изменили тон и предупредительно проводили нас до берега. Эта первая неудачная высадка на итальянской почве была нашим последним приключением.

14-го февраля, в час дня, «Вега» пришла в Неаполь. Не успели мы причалить к пристани, как на борт явились шведский посланник, шведский консул, президент географического общества, командующий флотом и другие. Представитель Туринской Академии Наук, два года тому назад специально приезжавший в Швецию, чтобы присутствовать при отплытии нашего судна, теперь приехал в Неаполь из Турина, чтобы поздравить нас от имени итальянского правительства, Академии Наук и множества итальянских и заграничных географических обществ с благополучным окончанием экспедиции.

Шведский посланник от имени короля Оскара приветствовал экспедицию и вручил Паландеру и мне особые знаки отличия, а остальным членам экспедиции — ордена. Обменявшись короткими приветственными речами, мы на паровом катере адмирала с'ехали на берег, а оттуда в парадных экипажах, между рядами восторженно приветствовавших нас студентов и горожан — к отелю, где нам было приготовлено пышное угощение.

29-го февраля «Вега» покинула гавань Неаполя и 9-го марта прошла Гибралтарский пролив. После приема у португальского короля в замке Цинтра, мы взяли курс на север. В Па-де-Кале сильный встречный ветер задержал наше суденышко, так что мы попали в Фальмут только 25-го марта — гораздо позже, чем предполагали. Первого апреля мы отправились в Париж. У меня не хватает слов, чтобы описать оказанный нам здесь прием. Казалось, мировой город хотел показать всему миру, что не даром на его гербе красуется корабль, окруженный вздымающимися волнами — так горячо и восторженно приветствовал он подвиг, свершенный в море.

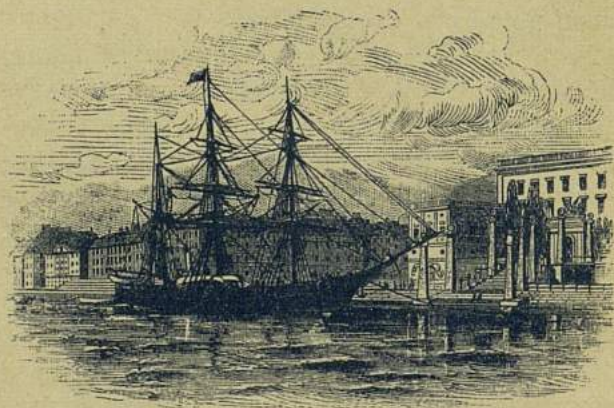
Король Оскар выразил пожелание, чтобы мы ступили на родную землю около королевского дворца в Стокгольме.

24-го апреля, на пути к берегам Швеции, нас встретила бесчисленная флотилия разукрашенных флагами лодок. Тысячи земляков громкими, восторженными криками приветствовали прибытие на родину участников экспедиции. К вечеру тысячи цветных фонариков засветились на лодках, зажглись фейерверки и гром пушек покрывал громкое «ура» собравшихся на берегу масс народа.

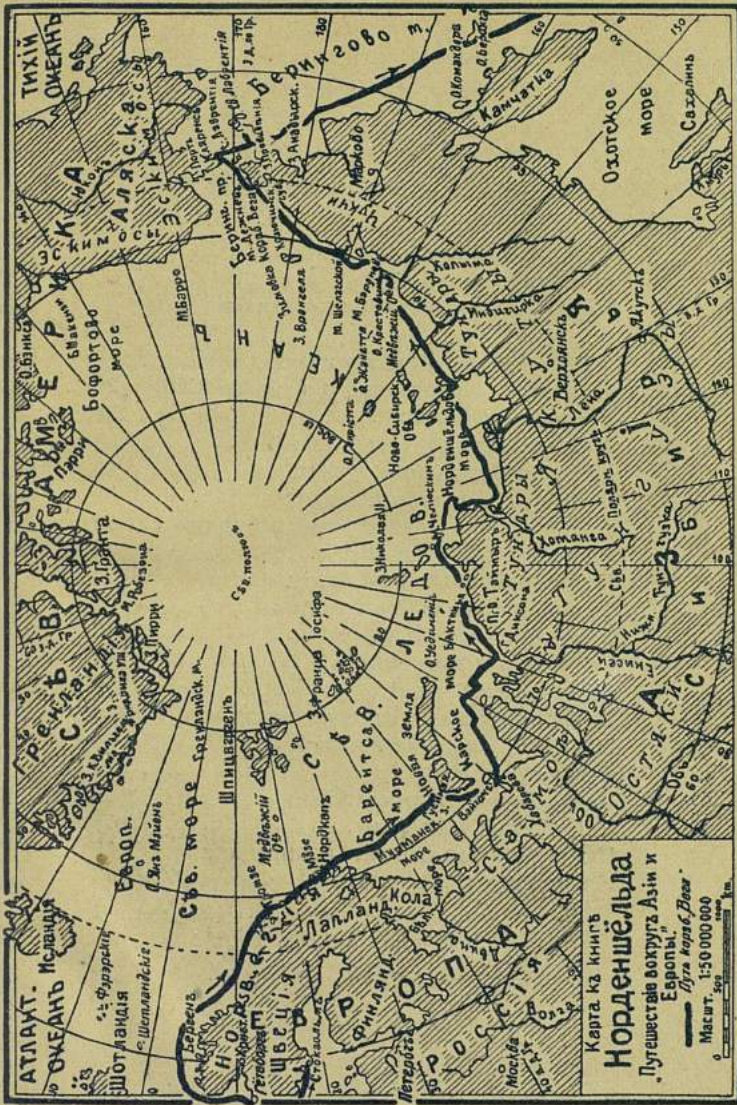
Стокгольм был празднично разукрашен и иллюминирован. Королевский дворец, залитый морем света, был убран транспарантами с инициалами участников экспедиции, — ни

одно имя, даже самого младшего из матросов, не было забыто! Стокгольмские торжества были самым блестящим моментом того триумфального шествия, в которое обратился наш путь от Японии до родины.

Мечта мореплавателей прошлых столетий сбылась — мореплаванию открылся новый путь! И путь этот, ведущий через страну ночи и льда к Тихому Океану, найден не случайно, не благодаря романтическому приключению, а как результат планомерной, упорной научной работы. Пусть же молодые поколения на примере «Веги» лишний раз убедятся в том, что готовая к самопожертвованию преданность высокой цели и упорство, соединенное с отвагой, всегда добиваются успеха.

«Вега» перед дворцом в Стокгольме.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Цель экспедиции	5
В страну самоедов!	7
Через «Сибирский ледник» к гавани Дик- сона	14
Охота на моржей, китов и белых медведей	19
К северной оконечности Старого Света	29
В стране мамонтов	36
Наконец мы встречаем людей	39
Меновая торговля с туземцами	46
Застрали в полярных льдах!	52
Борьба с полярной стужей и бурями ..	60
Голодные гости на «Веге»	70
Чукотский князек на борту «Веги»	77
Удивительные обычаи и нравы	82
Рождество во льдах.....	95
От надежды к отчаянию!	100
Наконец свободны!	113
В гостях у американских эскимосов ..	122
Массовое избиение котиков	131
Веселый отдых	137
Экскурсия на вулкан Азамаяма	145
В Небесной Империи	158
В девственных лесах и плантациях	162
На родину	168

11 479
— 126

